

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 186–232
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии,
культуры 1 (2016), 186–232
© Автор(ы) 2016

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ УЧАСТОК САЛТОВО-МАЯЦКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА ГОРОДИЩЕ АРТЕЗИАН

(по итогам исследований на раскопе I в 1989–2001 гг.)

Н.И. Винокуров*, Л.Ю. Пономарев**

* *Московский педагогический государственный университет, Москва,*
vinokurovnl@list.ru

** *свободный исследователь, Керчь,*
l_ponomarev@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются жилые, хозяйственные, культовые и погребальные комплексы, которые были исследованы на раскопе I в центральной части салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан. На исследованной площади были обнаружены три (или четыре) полуземлянки, загон для скота, три постройки на каменном цоколе, очаги, хозяйственные ямы, одно погребение, ритуальные захоронения людей и животных, а также многочисленные котлованы, которые образовались в процессе добычи камня из античных построек. Датируются они в пределах второй половины VIII – первой половины X вв. Часть комплексов была разделена на два строительных периода. Однако, узких хронологических рамок выделить для них не удалось. Особый интерес представляют многочисленные культовые объекты, большая часть которых, возможно, была связана с земледельческим и скотоводческим культурами плодородия. В таком количестве они впервые были обнаружены на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова.

Ключевые слова: Керченский полуостров, городище Артезиан, салтово-маяцкое поселение

За последние несколько десятилетий на территории Керченского полуострова было открыто свыше двухсот салтово-маяцких поселений¹. В зависимости от ландшафтно-топографических условий их можно условно разделить на две группы. К первой группе отнесены поселения, тяготевшие к прибрежной полосе Керченского пролива, Азовского и Черного морей. Во вторую группу объединены поселения, обнаруженные в отдаленных от моря районах, преимущественно долинах степных рек, балках с сезонными водотоками и на южных склонах холмов и возвышенностей.

Поскольку в первую очередь осваивались наиболее благоприятные для проживания и ведения хозяйственной деятельности территории, вполне естественно, что заселены были и многие заброшенные античные городища и поселения. В их числе оказалось и городище Артезиан, расположенное в центральной части

Винокуров Николай Игоревич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков МПГУ. E-mail: vinokurovnl@list.ru

Пonomarev Леонид Юрьевич – исследователь, археолог. E-mail: l_ponomarev@mail.ru

¹ Веселов 2005, 11–180; Зинько, Пономарев 2005а, 408; Могаричев 2005, 238; Пономарев 2014а, 136–141.

одноименного урочища в 5 км к востоку от берега Азовского моря². Урочище, в котором оно находилось, изобиловало водой – подземными артезианскими источниками и поверхностными (постоянными и сезонными) водотоками, а вокруг него простирались обширные, покрытые степным разнотравьем равнины с плодородными почвами³. Таким образом, здесь имелись все условия для развития пашенного земледелия и скотоводства – основных отраслей экономики салтово-маяцкого населения. Само же городище, вернее его разрушенные постройки и крепостные сооружения, являлось источником готового строительного материала.

В процессе раскопок, которые ведутся на городище уже с 1989 г., была исследована площадь свыше 6600 кв. м, при этом на всех раскопах, за исключением небольшого разведочного шурфа IV площадью 30 кв. м, были выявлены многочисленные салтово-маяцкие жилые, хозяйственные, культовые и погребальные комплексы второй половины VIII – первой половины X вв.⁴

Раскоп I, салтово-маяцким комплексам которого и посвящена данная публикация, расположен в центральной и наиболее возвышенной его части. Работы на нем велись с перерывами с 1989 г., а площадь раскопа к настоящему времени составила 2720 кв. м (рис. 3, I). Стратиграфическая колонка верхних напластований, прослеженная в его пределах, в общих чертах выглядит следующим образом. Поверх слоя разрушения античного городища, образование которого, видимо, связано с сильным землетрясением, произошедшим в середине – второй половине III в. н. э.⁵, выявлены остатки построек конца III–IV вв. н. э. Они, в свою очередь, перекрыты слоем запустения античного городища мощностью до 0,30 м. Античные слои на многих участках были повреждены более поздними перекопами. Для некоторых из них датирующими являлись находки раннесредневековой керамики, в том числе причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 1, 7–9), салтово-маяцких лощеных кувшинов (рис. 1, 10) и кухонных горшков, часть которых орнаментирована по тулову зональным и сплошным горизонтальным рифлением, а по венчику – вдавлениями и насечками (рис. 1, 11–25). На стенках причерноморских амфор с мелким зональным рифлением прочерчено два граффити. Одно из них одновременно напоминает греческую букву «λ» с удлиненной правой гостой и тамгообразный знак, получивший условное наименование «ветка» (рис. 1, 6)⁶. Аналогичные знаки наносили на амфоры причерноморского типа и более поздние средневековые амфоры⁷. Известны они и среди знаков-граффити на камнях и кирпичах Маяцкого и Саркельского городищ⁸.

Второе граффити, основным составным элементом которого являлся знак в виде трезубца, сохранилось частично (рис. 1, 5). Подобный знак, и тоже на амфоре

² Винокуров 1997, 62–63; 1998, 56.

³ В пределах широких продольных равнин Керченского северо-восточного агропочвенного подрайона развиты черноземы южные, черноземы южные слабо- и среднесолонцеватые, черноземы южные мицелярно-карбонатные, широко использующиеся под различные полевые сельскохозяйственные культуры и выборочно под виноградные (Половицкий, Гусев 1987, 137–138).

⁴ Винокуров 2014, рис. 4; 2004, 63–77; 2011а, 56–63; Винокуров, Пономарев 2015а, 46–53; Винокуров, Пономарев 2015б, 160–195.

⁵ Винокуров, Никонов 2004, 97.

⁶ Флерова 1997, 30, 76.

⁷ Майко 2012, 70, рис. 2, 1, 9; Флерова 1997, 76, табл. XV, 183, 186, 232, 242–246; Романчук 1986, 176.

⁸ Флерова 1997, 30, табл. I, 126–128; VI, 70–76.

с мелким зональным рифлением, обнаружен на поселении Героевка-2⁹. Граффити в виде трезубцев, в том числе и в сочетании с другими знаками, встречаются на пифосах VIII–X вв., амфорах VIII–XI вв., высокогорлых кувшинах с плоской ручкой и столовых лощеных сосудах второй половины X в. из Саркела, Таматархи, поселений и городищ Юго-Восточного и Юго-Западного Крыма¹⁰. Возможно, что рассматриваемое нами граффити аналогично тамгообразному знаку в виде двух соединенных одной линией трезубцев, процарапанному на стене средневекового склепа у подножия Баклинского городища¹¹.

Выше слоя запустения античного городища залегал поддерновый горизонт мощностью 0,10-0,25 м, сформированный слоем гумусированного суглинка темно-коричневого (на отдельных участках серо-коричневого) оттенка, отложившегося в период функционирования на его территории салтово-маяцкого поселения. В слое, помимо костей домашних животных, мелких частиц древесного угля, кусков железосодержащего шлака, раковин виноградных улиток и створок раковин мидий, обнаружена многочисленная и разновременная керамика. Примерно 20% ее находок составляли фрагменты керамики второй половины VIII – первой половины X вв., преимущественно амфор причерноморского типа с бороздчатым и мелким зональным рифлением и салтово-маяцких тарных и кухонных горшков.

Слой гумусированного суглинка темно-коричневого оттенка перекрывал гумусный слой толщиной 0,05-0,15 м, мало чем отличающийся от него по структуре и цветовой гамме. Находки из него представлены немногочисленными обломками разновременной керамики, среди которой, помимо причерноморских амфор, ойнохой скалистинского типа и салтово-маяцких горшков (рис. 1, 3, 4), отметим обломок горла вьючной фляги второй половины VIII – первой половины X вв. (рис. 1, 1) и закраину салтово-маяцкого котла с внутренними ручками-ушками (рис. 1, 2), которые были найдены на северо-западном участке раскопа.

Стратиграфически со слоем гумусированного темно-коричневого суглинка связаны многочисленные жилые, хозяйственные, погребальные и культовые салтово-маяцкие комплексы, открытые по всей площади раскопа.

В северной его части большая часть объектов, включая две постройки и несколько перекопов, была обнаружена в пределах северо-западного участка – кв. И-Н 10-12 (рис. 2).

В 1998 г. в кв. МН-10 были исследованы остатки постройки с каменным желобом, частично оставшейся за пределами раскопа (рис. 2)¹². По этой причине ее размеры и планировка остались неизвестными, но, судя по всему, она имела в плане овальную форму. Открытый отрезок южной стены постройки был вытянут в виде дуги и сохранился в виде двух фрагментов, зачищенных на глубине 0,27–0,34 м от современной дневной поверхности в нарушенном перекопами гумусированном слое темно-коричневого оттенка. Подошва кладки впущена в сырцово-суглинистый слой, отложившийся в период запустения и разрушения позднеантичных построек. Сохранившиеся участки стены достигали длиной 1,60 м и 1,08 м. Ши-

⁹ Зинько, Пономарев 2005б, рис. 4, 6.

¹⁰ Флерова 1997, табл. XV, 25, 121–122, 219–224; XVII, 15; Баранов, Майко 1999, 287, рис. 1, 5; Майко 2012, 70–71, рис. 1, 5, 20, 22; 2, 2; 3, 3; Рудаков 1979, рис. 3, 5–8.

¹¹ Рудаков 1980, рис. 6А.

¹² Винокуров 1999, 53, рис. 14.

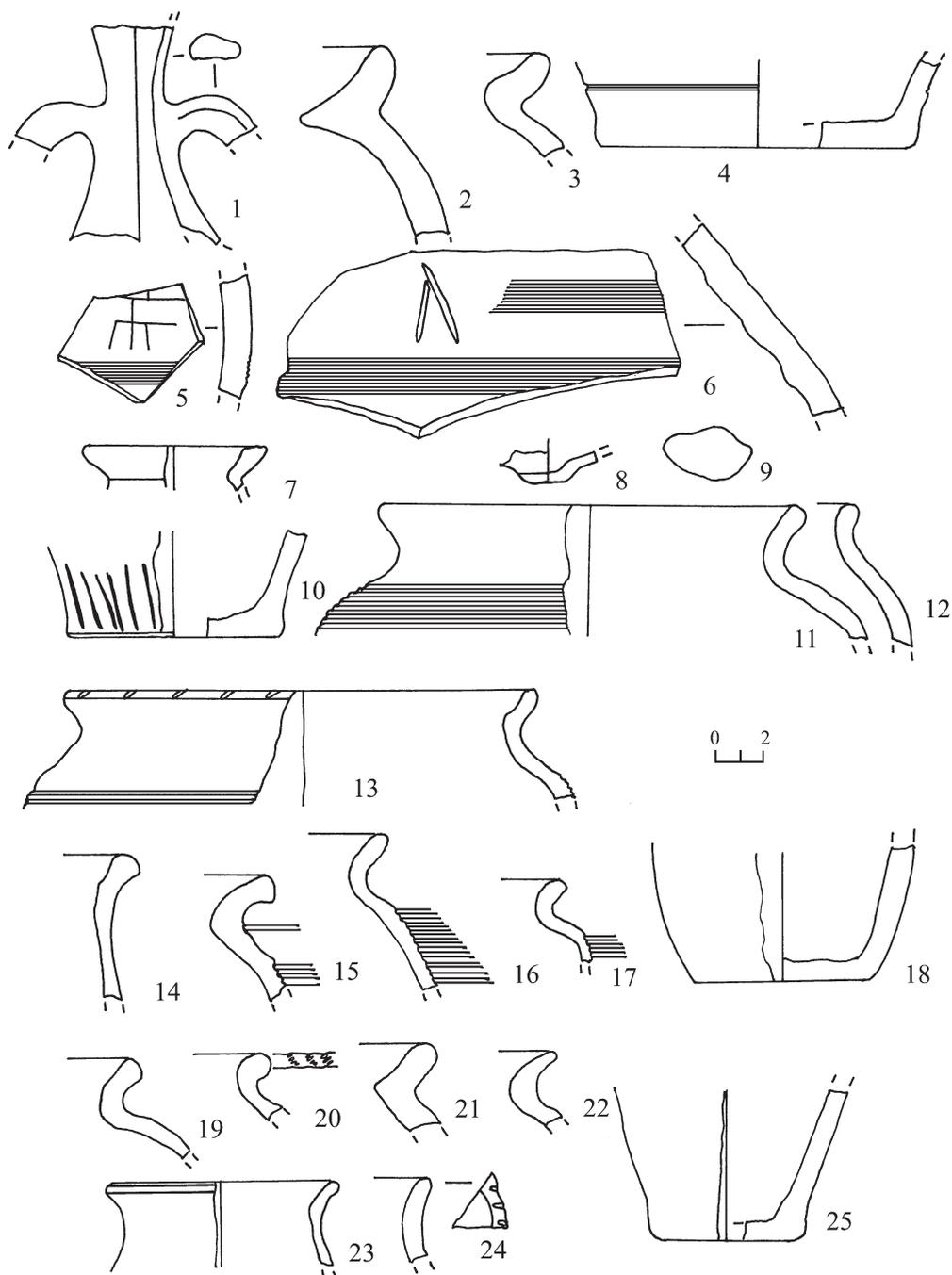

Рис. 1. Раскоп I. 1–4 – керамика из слоя гумуса; 5–25 – керамика из перекопов в слое за-
пустения античного городища

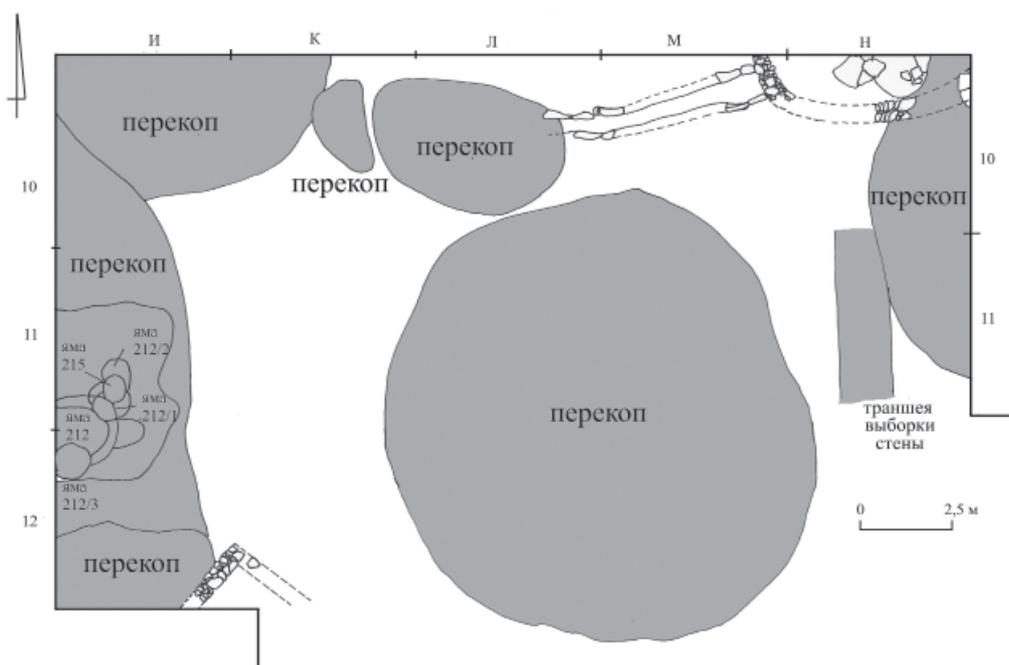

Рис. 2. Раскоп I. План северо-западного участка

рина ее варьировалась в пределах 0,40–0,60 м. Сложена стена из необработанных известняковых камней на суглинистом растворе. Кладка на отдельных участках двухслойная и трехслойная (рис. 3, 2, 3). К сожалению, заполнение постройки было выбрано более поздним перекопом. Этим же перекопом внутри нее был полностью разрушен «жилой горизонт», соответственно, не было обнаружено и находок, которые позволили бы установить, по крайней мере верхнюю, границу ее функционирования.

С юго-западной стороны к постройке примыкал желоб для сточных вод, направленный вниз по склону возвышенности в направлении СВ-ЮЗ. Длина его составляла не менее 6,0 м, ширина – 0,80–1,10 м, высота – 0,30–0,50 м. Центральная часть стока была полностью разобрана, а в западной и восточной, примыкавшей к сооружению, частях уцелело по несколько обрамлявших желоб, вертикально вкопанных плит (рис. 3, 4). Размеры их варьировались в пределах 0,78×0,54×0,15 м – 0,65×0,48×0,30 м – 0,40×0,36, 0,12 м. Щели между камнями были промазаны желтой глиной. Желоб заполнял сырцово-суглинистый грунт светло-желтого оттенка с включениями мелкого щебня, костей животных и немногочисленных обломков керамики античного времени и второй половины VIII – первой половины X вв., в том числе причерноморских амфор (рис. 6, 24, 25) и ойнохой скалистинского типа (рис. 6, 26), бытовавших на протяжении всего периода существования поселения.

Необычная форма жилища, сооруженного в виде вытянутого овала, а также его большие размеры (не менее чем 6×2 м) и наличие желоба для сточных вод позволяют предварительно интерпретировать его как загон для скота, возможно даже «зимник» с каменно-сырцовыми стенами и крышей.

Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан 191

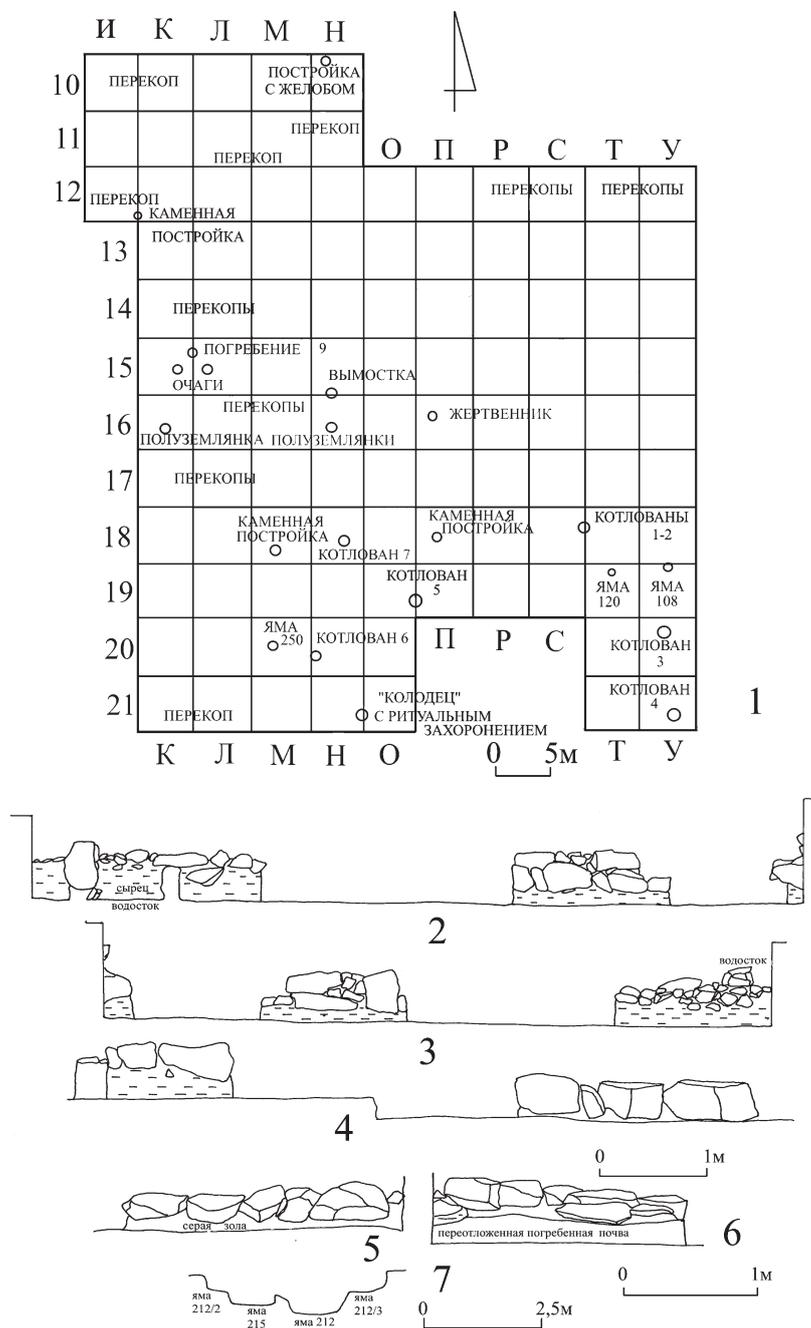

Рис. 3. Раскоп I. 1 – план-схема раскопа I с нанесенными на нее сеткой квадратов и открытыми салтово-маяцкими комплексами; 2–3 – южный и северный фас южной стены постройки с желобом; 4 – северный фас обкладки желоба; 5–6 – западный и восточный фас кладки 42а; 7 – разрезы ям 212/2, 215, 212, 212/3

Близкие по планировке и своему назначению кольцевые каменные загородки, диаметром от 5 м до 12–20 м и 28–30 м, были зафиксированы разведками на побережье Азовского моря, в районе с. Золотое и между поселениями Чегене-I и Сююрташ¹³. Не менее двадцати подобных сооружений открыты на северной и южной окраине салтово-маяцкого поселения, занимавшего один из склонов горы Опук в южной части Керченского полуострова. Они представляли собой кольцеобразные изгороди диаметром от 4–5 м до 40 м, сложенные из крупных необработанных камней. Примерно к половине из них примыкали прямоугольные в плане постройки, интерпретированные В. К. Голенко как зимники-стойла. Соответственно, кольцевые ограды были атрибутированы им как загоны для скота, вероятно, овец¹⁴.

Однако все выявленные до этого на Керченском полуострове кольцевые сооружения располагались за пределами поселений, в лучшем случае на их окраине, в то время как на поселении Артезиан оно находилось в центральной его части. Эту его особенность можно объяснить различными факторами или их совокупностью, в том числе видовым составом стада (наличием в нем свиней), условиями и сезоном его содержания, а также небольшой плотностью застройки поселения, в пределах которого вполне можно было выделить место для обустройства отдельного, принадлежащего одной семье, сооружения для содержания домашних животных.

В 1999 г. в кв. ИК-12, примерно в 17,5 м к юго-западу от постройки с желобом-водостоком, был исследован частично сохранившийся угол второй постройки, большая часть которой также осталась за пределами раскопа. Ориентирована она в направлении СВ-ЮЗ и имела в плане прямоугольную форму. Размеры ее составляли не менее чем 2,9×3,1 м, планировка осталась неизвестной (рис. 2).

Стена, ограничивавшая постройку с северо-востока, оказалась полностью разобранной. Уцелел только один камень, уложенный со стороны ее внешнего фаса. Северо-западная стена – кладка 42а была ориентирована в направлении СВ-ЮЗ. Сохранилась она на длину до 2,08 м и на высоту до 0,18–0,32 м. Толщина варьировалась в пределах 0,35–0,44 м. Кладка трехслойная, двухлицевая с забутовкой, иррегулярная. Ее уцелевший нижний ряд сложен из необработанных камней, уложенных постелистой кладкой на суглинистом растворе (рис. 3, 5, 6). К сожалению, «жилой» горизонт внутри небольшого расчищенного участка помещения был полностью уничтожен более поздними перекопами. Поэтому датировать постройку в узких пределах не удалось.

Помимо двух построек, в пределах кв. И-Н 10-12 было выявлено семь котлованов перекопов, которые в силу своего функционального назначения следует классифицировать как хозяйственные, скорее даже производственные комплексы. С их помощью жители поселения осуществляли выборку камня для строительных нужд из стен разрушенных античных построек. При этом добытый камень обрабатывался на месте, прямо в котлованах. В дальнейшем, по мере выработки этих своеобразных каменоломен, они заполнялись гумусированным темно-коричневым суглинком и бытовым мусором.

¹³ Масленников, Бердникова 1977, 332–333; Винокуров 1998, 61.

¹⁴ Голенко, Джанов 2002, 76; Голенко 2007, 236, рис. 103.

Наиболее обширный перекоп был обнаружен в 1992 г. в центральной части северо-западного участка раскопа. Расположен он в кв. К-М 10-13 на примерно равном расстоянии (около 4 м) к северо-востоку от постройки в кв. ИК 12 и к юго-западу от постройки с желобом (рис. 2). Его котлованом позднеантичный культурный слой и связанные с ним строительные комплексы были выбраны на площади около 50–60 кв. м и на глубину до 1,2 м. Удаленный грунт отсыпался к югу от него, сформировав насыпь высотой до 1 м, которая перекрыла культурные напластования III в. н. э. На дне котлована зафиксирован завал из бутовых камней. Со временем, после того как выборка камня на этом участке была прекращена, котлован заполнился плотным гумусированным грунтом темно-коричневого оттенка, содержащим большое количество бутового камня, раковин виноградных улиток и обломков разновременной керамики, преимущественно стенок амфор первых веков н. э. и второй половины VIII – первой половины X вв. Профильных фрагментов оказалось немного, причем 30% из них принадлежали амфорам причерноморского типа с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 4, 1–11). По количеству находок за ними следуют салтово-маяцкие горшки, часть которых была украшена по венчику вдавлениями и насечками, а по тулову – сплошным и зональным горизонтальным рифлением (рис. 4, 17–30). Кроме того, в засыпи котлована были найдены фрагменты ойнохой скалистинского типа (рис. 4, 14, 15), обломок стенки лощеного салтовского кувшина, украшенного горизонтальными, вертикальными и перекрещивающимися полосами лощения (рис. 4, 16)¹⁵, а также фрагменты высокогорлых кувшинов с плоской ручкой (рис. 4, 12), которые позволяют датировать время его заполнения не ранее чем второй половиной IX в.¹⁶

Отсюда же происходит днище столового сосуда с «перехватом» на тулове, изготовленного из глины, приобретшей после обжига красно-оранжевый оттенок (рис. 4, 13). Верхняя его часть не сохранилась. Подобного рода столовые сосуды на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова еще не встречались, а поскольку его форма осталась неизвестной, надежные и хронологически близкие аналогии ему привести не удалось. Возможно, к этому же типу сосудов или дальнейшей линии их развития относится кувшин с «перехватом» в нижней части тулова, обнаруженный при раскопках средневековых кварталов Партенита. К сожалению, его описание, условия находки и, соответственно, датировка в публикациях Е.А. Паршиной не приведены¹⁷.

Среди других находок внимания заслуживает небольшой лепной светильник в виде округло-конической чашки на невысокой, расширяющейся книзу цилиндрической ножке и плоской подставке. Высота его составляла 5,0 см, размер чашки 4,8×4,2 см, диаметр подставки 3,2 см (рис. 4, 31). Впрочем, подобного рода светильники бытовали как в античное время, так и в рассматриваемый нами период, при этом размеры и форма их составных частей существенно варьировались. К примеру, у некоторых светильников, в том числе обнаруженных и на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова, чашка непосредственно крепилась к дисковидной подставке¹⁸. У других светильников, найденных в античных и

¹⁵ Красильников 2009, 106, рис. 3, 3; 6, 2, 3.

¹⁶ Науменко 2009а, 54–57.

¹⁷ Паршина 1991, рис. 7; Паршина 2002, рис. 8.

¹⁸ Пономарев 2014б, рис. 6, 2; Грач 1999, 45, табл. 24, 9, 10.

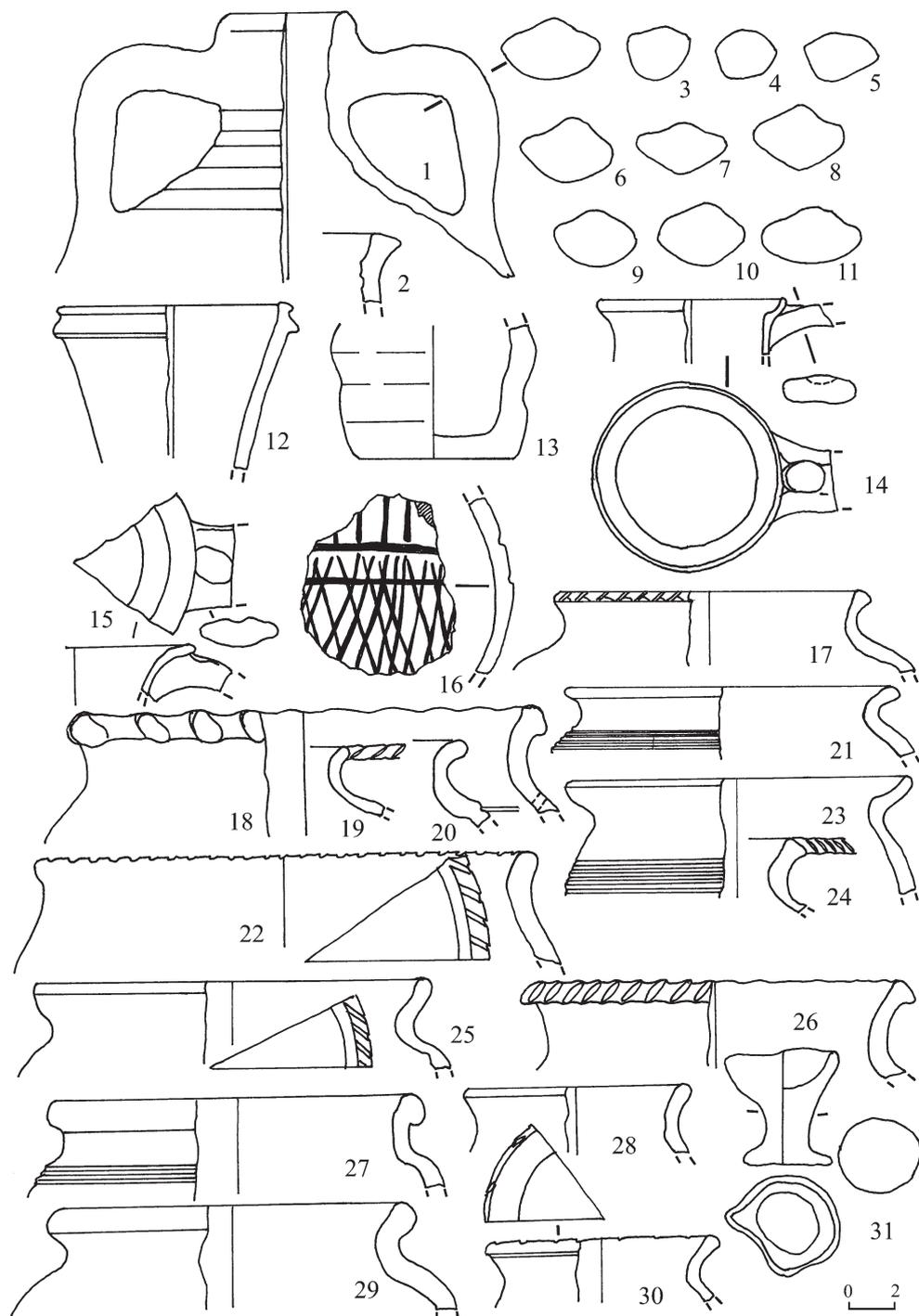

Рис. 4. Раскоп I. 1–31 – керамика из заполнения котлована перекопа в кв. К-М 10-13

раннесредневековых слоях Таматархи (Гермонассы), в Саркеле и салтово-маяцких поселениях Подонья, чашка крепилась на более высокой цилиндрической ножке¹⁹.

Помимо керамики, в заполнении котлована были также найдены обломки каменных терочников и абразивов, но определить, относятся они к античному времени или периоду функционирования салтово-маяцкого поселения, не представляется возможным.

В 1997–1999 гг. еще один котлован был частично исследован у западного борта раскопа в кв. И 10–12 (рис. 2). В плане он имел аморфную, приближенную к овалу форму, исследованная площадь составляет не менее 8–9 кв. м, а глубина на отдельных участках достигает 2,20 м. Котлован был заполнен гумусированным плотным грунтом темно-коричневого оттенка с включением золы, древесных углей, бутового камня, раковин виноградных улиток и обломков керамики, преимущественно фрагментов амфор и столовой посуды из переотложенных слоев античного времени. Среди немногочисленных находок керамики второй половины VIII – первой половины X вв. преобладали причерноморские амфоры с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 5, 1–4), ойнохой скалистинского типа (рис. 5, 6) и салтово-маяцкие горшки, часть которых украшена по венчику вдавлениями и врезным орнаментом, а по тулову – сплошным и зональным горизонтальным рифлением (рис. 5, 7–16). Помимо горшков, кухонная салтово-маяцкая посуда представлена фрагментом котла с невысоким и слегка отогнутым наружу бортиком (рис. 5, 17). Его внутренние ручки, имели форму полукруглых горизонтальных выступов В-образной формы с парными отверстиями для шнура или ремня. На Керченском полуострове подобные котлы впервые были обнаружены на поселениях Пташкино, Азовское и Героевка-3²⁰. Позднее их немногочисленная коллекция пополнилась обломками котлов из раскопок городских напластований Боспора, поселений Осовины-1, Эльтиген Юго-Западное, Героевка-2 и Героевка-1²¹. За исключением котла с поселения Осовины-1, бортик которого был загнут внутрь, все они относятся к наиболее распространенным в Подонье и Приазовье их типам и вариантам – с прямым, вертикальным (или почти вертикальным) и отогнутым наружу бортиком²².

Столовая салтовская посуда из заполнения перекопа представлена единственным фрагментом сероглиняного и покрытого сплошным лощением одноручного кувшина с прямой горловиной и отогнутым наружу венчиком со сливным носиком (рис. 5, 5). К сожалению, кувшины являются самой нестандартной категорией лощеной салтово-маяцкой керамики, поэтому соотнести рассматриваемый нами обломок с одним из их многочисленных выделенных типов не представляется возможным²³.

¹⁹ Красильников 1999, 176, рис. 10, 5; Плетнева 1959, 252–253, рис. 38, 7–11; Чхаидзе 2008, 208, тип Б, рис. 120, 8; Чхаидзе 2012, 188–189.

²⁰ Пономарев 2012а, 483, рис. 4, 1; Зинько, Пономарев 2013, 440; Гадло 1968, 89–90, рис. 22а.

²¹ Пономарев, Пономарева 2010, 456, рис. 2, 2–4; Сазанов 1998, 61, рис. IV, 39.

²² Нидзельницкая, Кулаков 2013, 30, вариант 1, 2; Белинский, Кулаков 2013, 144; Иванов 2013, рис. 8, 3; Ключников 2009, 250–251, рис. 11, 5; Нидзельницкая 2009, 264, рис. 6, 3–5; Чхаидзе 2008, 187–188, рис. 102; Плетнева 2003, табл. 71, 9, 10; Нидзельницкая, Ильясенко 2007, 201, рис. 9, 3–5; Артамонов 1935, рис. 29; 30; Тарабанов 1997, рис. 2, 1.

²³ Флеров 1981, 170, 172; Майко, Сьомін 2003, 49; Красильников 2009, 108.

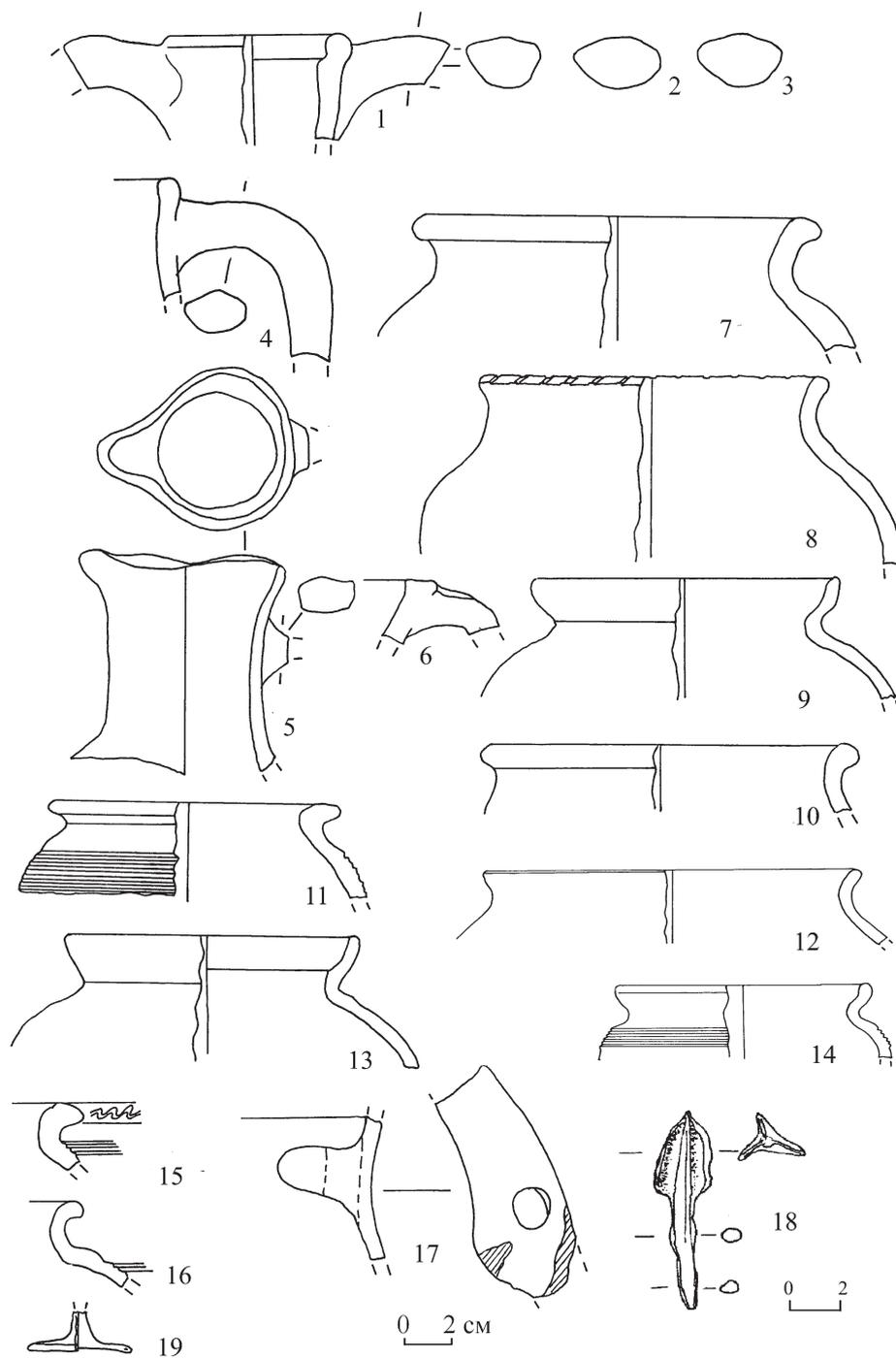

Рис. 5. Раскоп I. 1–19 – находки из заполнения котлована перекопа в кв. И 10–12

Среди других находок отметим железную трехлопастную треугольную стрелу (рис. 5, 18). Датируется она VIII–IX вв. и относится к наиболее распространенному среди салтово-маяцкого населения типу²⁴. Однако ареал их распространения включает в себя не только территорию салтово-маяцкой культуры. Такие стрелы найдены в Болгарии, Кубано-Черноморском регионе Северо-Западного Кавказа, Поволжье и Сибири²⁵. В Крыму они встречаются среди погребального инвентаря в склепах Скалистинского могильника²⁶, но на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова до этого обнаружены не были²⁷.

К числу редких находок относится также фрагмент плоского поддона стеклянной рюмки (рис. 5, 19). По своей форме он ничем не отличается от поддонов рюмок с трапециевидным корпусом и полый ножкой на круглой и плоской подставке²⁸, но в отличие от них был изготовлен из прозрачного стекла с голубым оттенком.

В придонной части котлована было зафиксировано несколько округлых в плане ям – 212, 212/1, 212/2, 212/3, 212/4, 215, борта которых в верхней части слились между собой в овальное пятно, вытянутое по оси СВ-ЮЗ, длиной более 3,35 м и шириной около 2,5 м (рис. 2). Разделить их края удалось только на глубине 0,90 м от современной дневной поверхности (рис. 3, 7). Одна из них – яма 212 – имела в плане округлую форму, в разрезе трапециевидную. Ее размеры в верхней, сохранившейся части составляли 1,77×1,80 м, на уровне дна – 1,42×1,21 м. Яма сохранилась на глубину 0,83 м и была заполнена гумусированным грунтом темно-коричневого оттенка. В заполнении, помимо керамики первых веков н. э., были найдены днища пифосов VIII–X вв., изготовленные из грубой глины красно-коричневого оттенка, днища ойнохой скалистинского типа (рис. 6, 22), а также обломки стенок и венчиков салтово-маяцких горшков (рис. 6, 1–21, 23). Некоторые горшки были орнаментированы по тулову зональным или сплошным горизонтальным рифлением (рис. 6, 1–4, 8, 13, 16), а венчики некоторых из них имели с внутренней стороны полочку для установки крышки (рис. 6, 14, 16, 20) и были украшены насечками (рис. 6, 15). Среди других находок, часть которых, возможно, относилась ко времени функционирования салтово-маяцкого поселения, отметим сильно коррозированный железный гвоздь, абразивный камень и сточенную с двух сторон таранную кость овцы или барана²⁹.

²⁴ Аксенов 2014, 14–15, рис. 3, 7; Крыганов 1989, 98, рис. 1, 1, 2; Медведев 1966, 59, рис. 30, 13; Плетнева 1994, 318, рис. 40, 7–15; Сорокин 1959, 147, 185–186, рис. 6, 15; Михеев 1985, рис. 14, 16; Квитковский, Колода 2010, 185, рис. 2, 4.

²⁵ Аксенов 2014, 15; Смирнов 1969, 20, табл. 6, 8; Федоров-Давыдов 1966, 27, рис. 3, А1.

²⁶ Веймарн, Айбабин 1993, 180, рис. 50, 14–17; 52, 36, 37; 55, 4; 62, 10.

²⁷ Можно упомянуть только об одной находке железной стрелы с треугольным пером, обнаруженной вместе с двумя причерноморскими амфорами в одном из позднеантичных склепов некрополя городища Илурат, который во второй половине VIII – первой половине X вв., вероятно, был использован в качестве жилища (Кубланов 1976, 108, рис. 3, 13; 1983, 124–125, рис. 13). К сожалению, на приведенных в публикациях рисунках отсутствует ее поперечное сечение, поэтому соотнести эту стрелу с рассматриваемым типом пока не представляется возможным.

²⁸ Айбабин 1976, 28–29, рис. 1, 10–18, тип II; Веймарн, Айбабин 1993, 194–195, тип II.

²⁹ В силу консервативности форм абразивных инструментов (шлифовальных плит, универсальных точильных камней и брусков для правки лезвий) отличить изделия античного и раннесредневекового времени чаще всего невозможно.

Гвозди изначально предназначались для крепления балочно-стропильных перекрытий крыш и других деревянных конструкций, но в силу необходимости могли использоваться не по прямому

Остальные, гораздо меньшие по размерам ямы – 212/1, 212/2, 212/3, 212/4, 215 были разделены на уровне придонной части, поэтому находок в них практически не оказалось. Учитывая их размеры и взаимное расположение, можно предположить, что по крайней мере некоторые из них предназначались для установки вкопанных пифосов.

Помимо котлованов в кв. И 10-12 и К-М 10-13 вдоль северного, западного и восточного бортов северо-западного участка раскопа были открыты еще пять котлованов-перекопов, имевших в плане аморфную и овальную форму, а в сечении, за счет покатых и сильно оплывших бортов, форму трапеции (рис. 2). Полностью удалось исследовать только два из них, размерами 1,4×5,0 м и 3,5×5,0 м. Площадь остальных составляла не менее 16–20 кв. м. Глубина котлованов достигала 1,20–1,40 м. Заполнены они были гумусированным грунтом темно-коричневого оттенка, с большим количеством бутового камня, щебня, известняковой крошки, костями животных, раковинами виноградных улиток, а также обломками керамики античного времени и второй половины VIII – первой половины X вв., в том числе фрагментами стенок амфор причерноморского типа, ойнохой скалистинского типа и салтово-маяцких горшков.

Последние три перекопа, обнаруженные в северной части раскопа, находились в его северо-восточном углу в кв. РС 12-13 и ТУ 12 (рис. 3, 1). Размеры одного из них, исследованного в кв. Р 12, составляли 3,50×1,20 м. Заполнен он был сажей и золой с небольшим количеством обломков керамики, в том числе салтово-маяцких горшков (рис. 7, 12, 13, 15) и лощеного сероглиняного кувшина с сетчатым орнаментом (рис. 7, 14). Остальные котлованы, площадь которых достигала нескольких десятков метров, были заполнены гумусированным темно-коричневым грунтом с включением большого количества бутового камня, щебня, известняковой крошки костей животных и невыразительных обломков керамики, преимущественно античного времени.

В центральной части раскопа (кв. К-У 13-17), салтово-маяцкие комплексы, в пределах которой исследовались в 1989–1992 гг., были обнаружены три практически полностью разрушенные полуземлянки, фрагмент вымостки, два очага, одно погребение и жертвенник (рис. 3, 1). Здесь же, как и в северной части раскопа, расчищены многочисленные котлованы перекопов аморфной формы, заполненные темно-коричневым плотным суглинком, бутовым камнем, щебнем и разновременной керамикой, среди которой оказались фрагменты причерноморских амфор (рис. 7, 1–3), салтово-маяцких горшков (рис. 7, 8–11), ойнохой скалистинского

назначению, а, к примеру, как шилья, проколки и пробойники. На салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова обычно встречаются кованые четырехгранные гвозди с полусферической и плоской шляпкой длиной от 3–4 см до 11 см, но обнаружено их немного, чаще всего по одному экземпляру на памятнике. Их небольшое количество позволяет предположить, во-первых, применение облегченных конструкций перекрытий или других способов их крепления. Во-вторых, большинство из них использовалось многократно, а пришедшие в негодность гвозди, наряду с другими изделиями из железа, в большинстве своем, вероятно, утилизировались.

Таранные кости (астргалы) крупного и мелкого рогатого скота использовались народами салтово-маяцкой культуры как растиральники и ложила, для различных игр и как обереги и амулеты (Красильников 1979, 84, 86–88; Майко 2004, 233–236; Хоружая 2014–2015, 264; ср.: Сергеева, 2010, 198–206). В нашем случае определить его назначение не представляется возможным, поскольку отсутствовало просверленное отверстие (или отверстия), а на поверхности не были процарапаны знаки. Не исключено, что обнаруженный в яме 212 астргал представлял собой заготовку изделия.

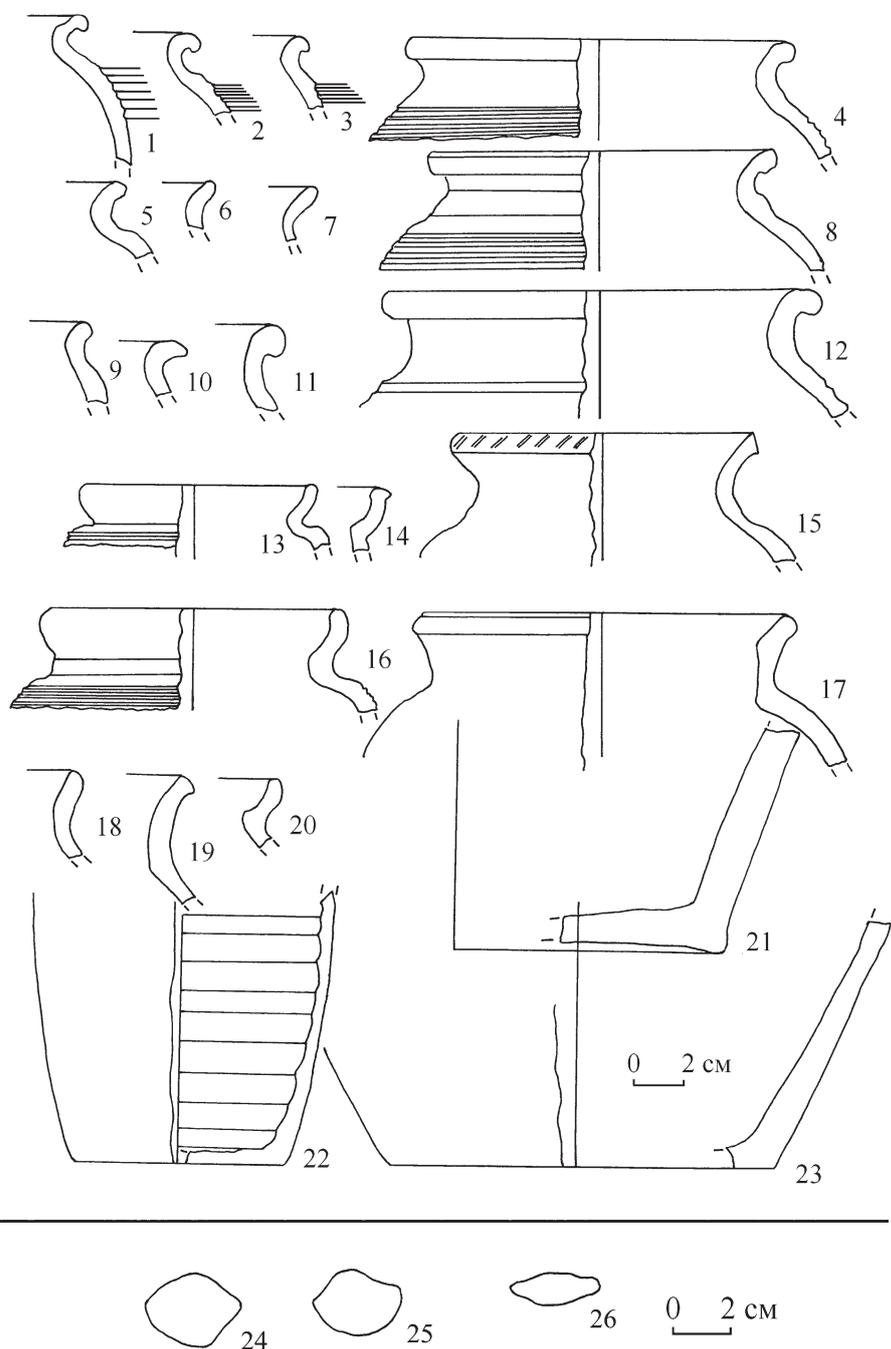

Рис. 6. Раскоп I. 1–23 – керамика из заполнения ямы 212; 24–26 – керамика из заполнения желоба-стока постройки в северо-западной части раскопа

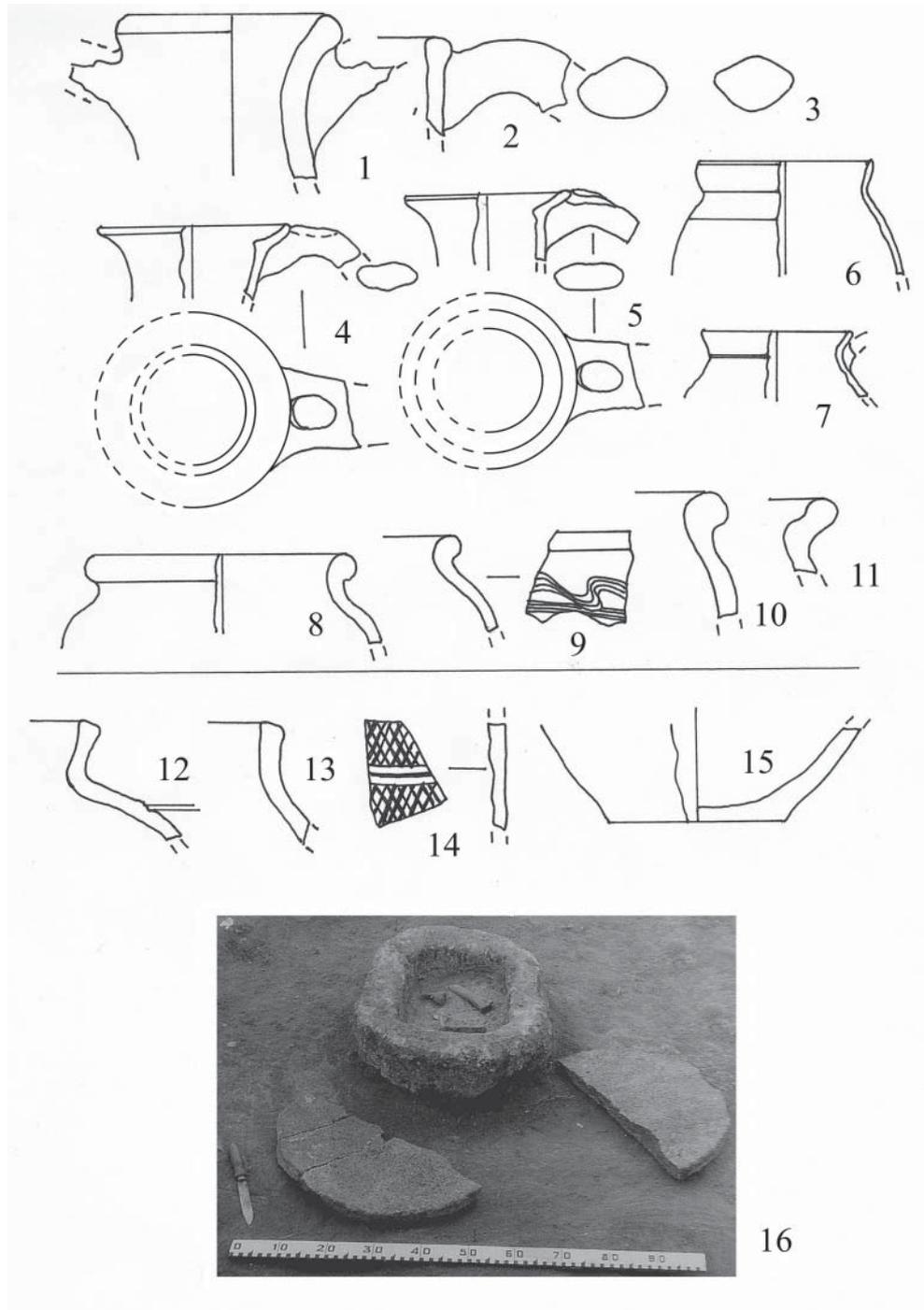

Рис. 7. Раскоп I. 1–11 – керамика из заполнения котлованов перекопов в кв. К-Н 15–16; 12–15 – керамика из заполнения котлована перекопа в кв. Р 12; 16 – жертвенник в кв. П 16. Вид с запада

типа (рис. 7, 4, 5) и горшочков с шаровидным или яйцевидным туловом и пальцевым вдавлением на месте верхнего крепления ручки (рис. 7, 6, 7)³⁰.

Остатки трех полуземлянок были открыты в кв. К-16 и Н-16. При этом две из них функционировали, видимо, одновременно и, соответственно, были отнесены к первому строительному периоду. К сожалению, в силу плохой сохранности форму и размеры полуземлянок установить не удалось. Однако в каждой из них уцелело по одному сильно поврежденному пифосу с обрушенной внутрь верхней частью, диаметр тулова которых достигал 0,87–0,96 м. Заполнены они были гумусированным плотным суглинком темно-коричневого оттенка с большим количеством мелкого бута и щебня. Каких-либо находок в заполнении пифосов не оказалось.

Спустя какой-то промежуток времени, после того как полуземлянка в кв. Н 16 прекратила функционировать, ее засыпанный котлован прорезала новая полуземлянка. В сохранившейся нижней части она имела в плане форму овала, вытянутого по оси запад-восток. Длина помещения составляла 3,25 м, ширина достигала 2,25 м, глубина – 0,95–1,06 м. Борта котлована сужались по направлению к полу и были оформлены в виде уступов. На полу, в центральной его части, зачищена ямка диаметром 0,38 м для опорного столба конструкции перекрытия. Вход в полуземлянку располагался с юга и представлял собой пологий пандус, переходящий у пола в ступеньки. Ширина его составляла 1,0×1,10 м, длина – 1,60 м. Полуземлянка была заполнена темно-коричневым гумусированным грунтом с большим количеством бутового камня, щебня и маловыразительными фрагментами керамики античного времени и второй половины VIII – первой половины X вв., в том числе стенками причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков.

Учитывая характер находок, установить временные рамки функционирования полуземлянок первого и второго строительного периода не удалось, хотя с уверенностью можно говорить о том, что, как и на других салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова, сооружались они не только на начальном этапе существования поселения³¹. Дискуссионным остался вопрос и относительно функционального назначения полуземлянок. Можно лишь предположить, что две полуземлянки с пифосами использовались в хозяйственных целях, а более поздняя полуземлянка вполне могла быть жилой, но отопительного устройства в ней обнаружено не было.

Примерно в 2,5 м к ЗСЗ от полуземлянок в кв. Н 16 выявлены остатки вымостки площадью около 2 кв. м. Она была сложена из нескольких больших известняковых плит. Сами плиты в результате длительного воздействия сильного огня растрескались, а их поверхность приобрела красно-коричневый оттенок. Вымостка имела уклон к югу. Со всех сторон ее окружали позднейшие траншеи выборок стен античных построек и перекопы.

К северо-западу от вымостки и к северу от полуземлянки в кв. К 16 обнаружены два очага, сооруженные из вертикально установленных и вкопанных на одну треть, известняковых плит.

Первый очаг, зачищенный в кв. К 15, имел в плане прямоугольную форму. Сложен он из трех плит толщиной около 0,20 см. Размеры очажной ямы состав-

³⁰ Рыжов, Седикова 1999, 321–322, 324, рис. 7; 10, 9, 10; Нессель 2006, 102, рис. 23, 1–6; Науменко 2009б, 63–64.

³¹ Пономарев 2012б, 67–72.

ляют 0,70×0,40×0,30–0,50 м. Вокруг очага и в рыхлом золистом заполнении очажной ямы найдено большое количество мелких древесных угольков, обожженных костей животных и птиц и раковин виноградных улиток.

Второй очаг, обнаруженный в кв. Л 15, располагался в 4,6 м к северо-западу от первого очага. В плане он имел неправильную округлую форму. Размеры его составляют 0,90×0,74×0,65 м. Очаг сложен из известняковых плит, поверхность которых в результате длительного воздействия высоких температур приобрела оранжево-красный оттенок. Помимо плит был использован обломок известняковой кормушки прямоугольной формы. Очаг заполнял золистый грунт с включениями чистой золы, птичьих костей, створок мидий и раковин виноградных улиток.

В 1994 г. между очагами в кв. КЛ 15 было обнаружено погребение 9 (рис. 8). Совершено оно в неглубокой яме, имевшей в плане овальную форму. Ее границы прослежены частично, поскольку заполнявший могилу темно-коричневый, сильно гумусированный суглинок по своей структуре и оттенку практически ничем не отличался от грунта, заполнявшего котлован перекопа, в который она была врезана. Реконструируемые размеры могильной ямы 1,10×0,35–0,40 м. Глубина ее составляла не менее 0,35–0,40 м. В могиле было совершено одиночное захоронение подростка 8–10 лет, уложенного вплотную к борту ямы в скорченном положении, на правом боку с небольшим завалом на спину, головой на ЗЮЗ. Правая верхняя конечность вытянута вдоль туловища, кисть согнута под прямым углом, фалангами пальцев по направлению к тазовым костям. В верхней проксимальной части плечевой кости зафиксированы следы перелома и неправильного сращения. Левая верхняя конечность согнута в локтевом суставе, кисть на тазовой и правой бедренной кости. Анатомический порядок нижних конечностей был нарушен. Видимо, спустя какое-то время после погребения кости голеней были намеренно смещены и уложены параллельно друг к другу поверх правой бедренной кости. При этом одна из больших берцовых костей была повернута проксимальным эпифизом в противоположном направлении. Здесь же находились отдельные кости плюсны.

Погребальный инвентарь в могиле обнаружен не был, а в заполнении могильной ямы и котлована перекопа, в который она была врезана, были найдены лишь несколько обломков причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков с врезным волнистым орнаментом. Учитывая широкие рамки их бытования, датировать погребение 9 в узких пределах не представилось возможным.

В настоящее время в пределах изученной территории поселения выявлено уже четыре погребения в грунтовых ямах, из них два на раскопе III и одно на раскопе П³². Некоторые из них, возможно, были связаны с расположенными поблизости культовыми комплексами. Такие одиночные захоронения раскопаны уже на многих салтово-маяцких городищах и поселениях, включая и Керченский полуостров. По мнению исследователей, в большинстве своем они имели ритуальный характер и совершались в силу различных, но иногда тесно связанных между собой причин культурно-религиозного, политического, социально-экономического и общественного характера³³.

³² Винокуров 2011а, 56–63, рис. 1–3.

³³ Плетнева 1989, 67; Плетнева, Красильников 1990, 106; Винников, Афанасьев 1991, 137–138; Албегова, Гусаков 2001, 127; Колода 2011, 269–270; 2012–2013, 111–112.

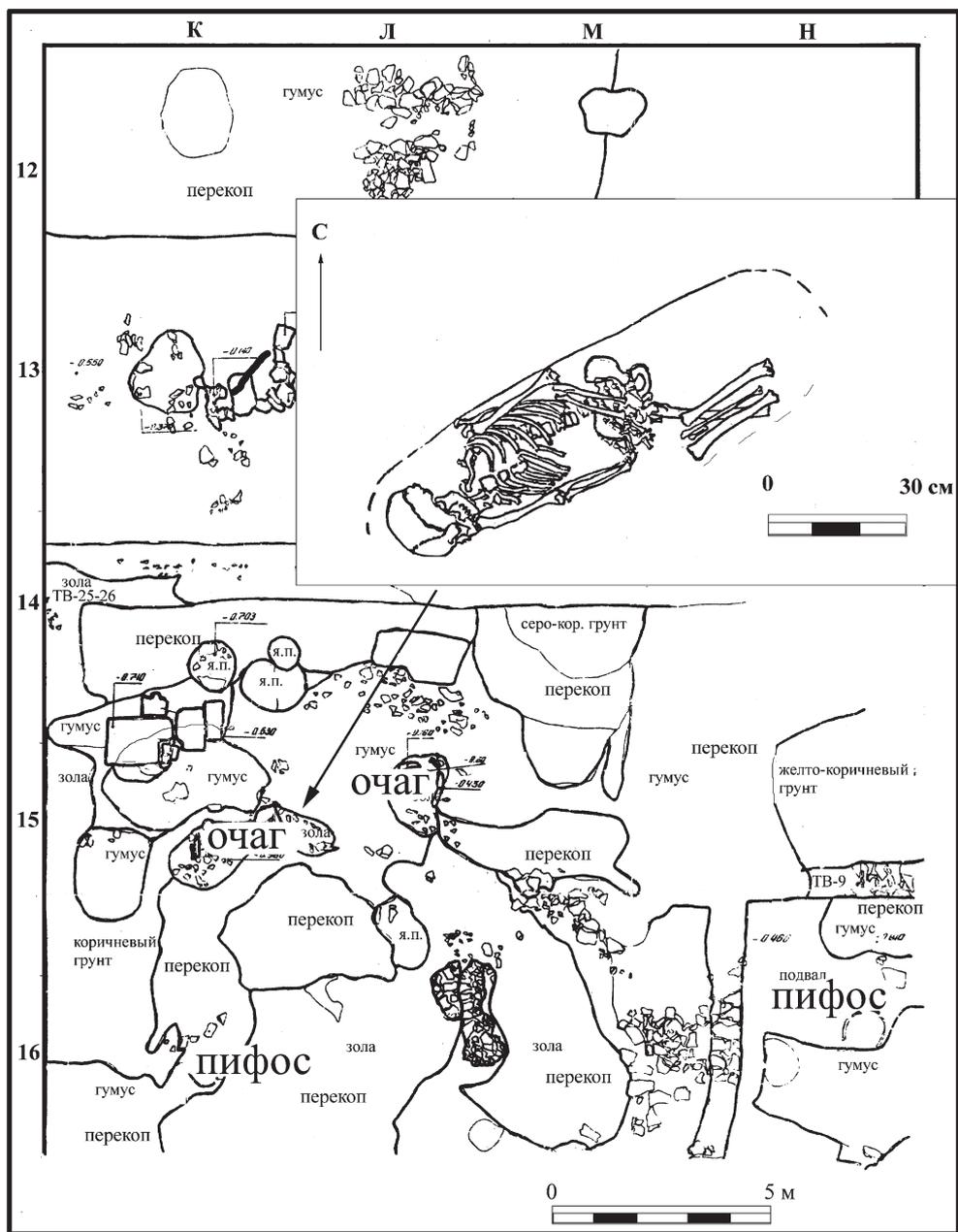

Рис. 8. Раскоп I. План западного участка и план погребения 9

Внимания заслуживает и состояние костей нижних конечностей подростка в могиле 9. Учитывая характер их расположения, есть все основания полагать, что над погребенным был проведен обряд обезвреживания, следы которого в виде повторного проникновения в могилу и частичного или полного разрушения скелета прослежены на многих салтово-маяцких могильниках, в том числе и на Керченском полуострове³⁴.

Последний, обнаруженный в центральной части раскопа (кв. П 16) комплекс был атрибутирован как жертвенник, в качестве которого была использована каменная поилка (или кормушка) для скота, перекрытая известняковым ротационным жерновом диаметром 0,54 м и толщиной 0,09 м (рис. 7, 16). Поилка была вырублена из известнякового блока и имела прямоугольную форму. Внешние ее размеры составляли 0,62×0,51×0,24 м. Заполнена она была рыхлым золистым грунтом, находки из которого представлены костями птицы, несколькими костями мелкого рогатого скота и тремя фрагментированными сероглиняными ойнохоями. Несколько десятков обломков идентичных ойнохой были найдены вокруг поилки.

Насыщенной разнообразными комплексами оказалась и южная часть раскопа (кв. К-У 17-21), расположенная в самой возвышенной части городища. На уровне горизонта второй половины VIII – первой половины X вв. здесь были исследованы остатки двух наземных каменных построек, хозяйственные ямы, несколько котлованов перекопов, а также совместные ритуальные захоронения, совершенные в ямах, котлованах и каменном сооружении, напоминающем колодец (рис. 9).

Одна из построек был раскопана в кв. ЛМ 18-19. К сожалению, культурный слой салтово-маяцкого поселения на этом участке был практически полностью разрушен полевыми фортификационными сооружениями периода Второй мировой войны, а от постройки сохранились камень, установленный со стороны внешнего фаса северо-западной стены и небольшие фрагменты двух стен шириной 0,65–0,75 м, образующих ее северо-восточный угол. Благодаря уцелевшим обрывкам кладок можно предположить, что в плане постройка имела прямоугольную форму и была ориентирована по длинной оси в направлении СВ-ЮЗ. Соответственно, в направлении СЗ-ЮВ ее размеры варьировались в пределах 4,7–5,0 м, а в направлении СВ-ЮЗ составляли не менее 9 м (рис. 9).

Вторая постройка, обнаруженная в кв. О-Р 18-20, примерно в 7,5 м к востоку от первой постройки, сохранилась еще хуже. В 1994–1995 гг. был обнаружен развал камней ее северо-западного угла, а в 1999 г. зачищена траншея выборки (ТВ-64) восточной стены шириной 1,03 м, длиной 4,16 м и глубиной до 0,18 м (рис. 9). С их учетом постройку можно реконструировать как прямоугольный в плане дом, ориентированный по оси СВ-ЮЗ. Соответственно, его размеры в направлении СЗ-ЮВ составляли примерно 7,5 м, а в направлении СВ-ЮЗ не менее 6,5 м.

Поскольку «жилой» горизонт внутри обеих построек, а также культурный слой вокруг них были полностью уничтожены, каких-либо находок, которые позволили бы уточнить их хронологические рамки, обнаружить не удалось.

Помимо каменных построек в юго-западной части раскопа были обнаружены три котлована. Два из них образовались в процессе добычи камня из античных

³⁴ Иченская 1981, 93; Флеров 1993, 45–46, 54; Аксенов 2002, 98–113; 2009, 89–101; Пономарев 2004, 451–462.

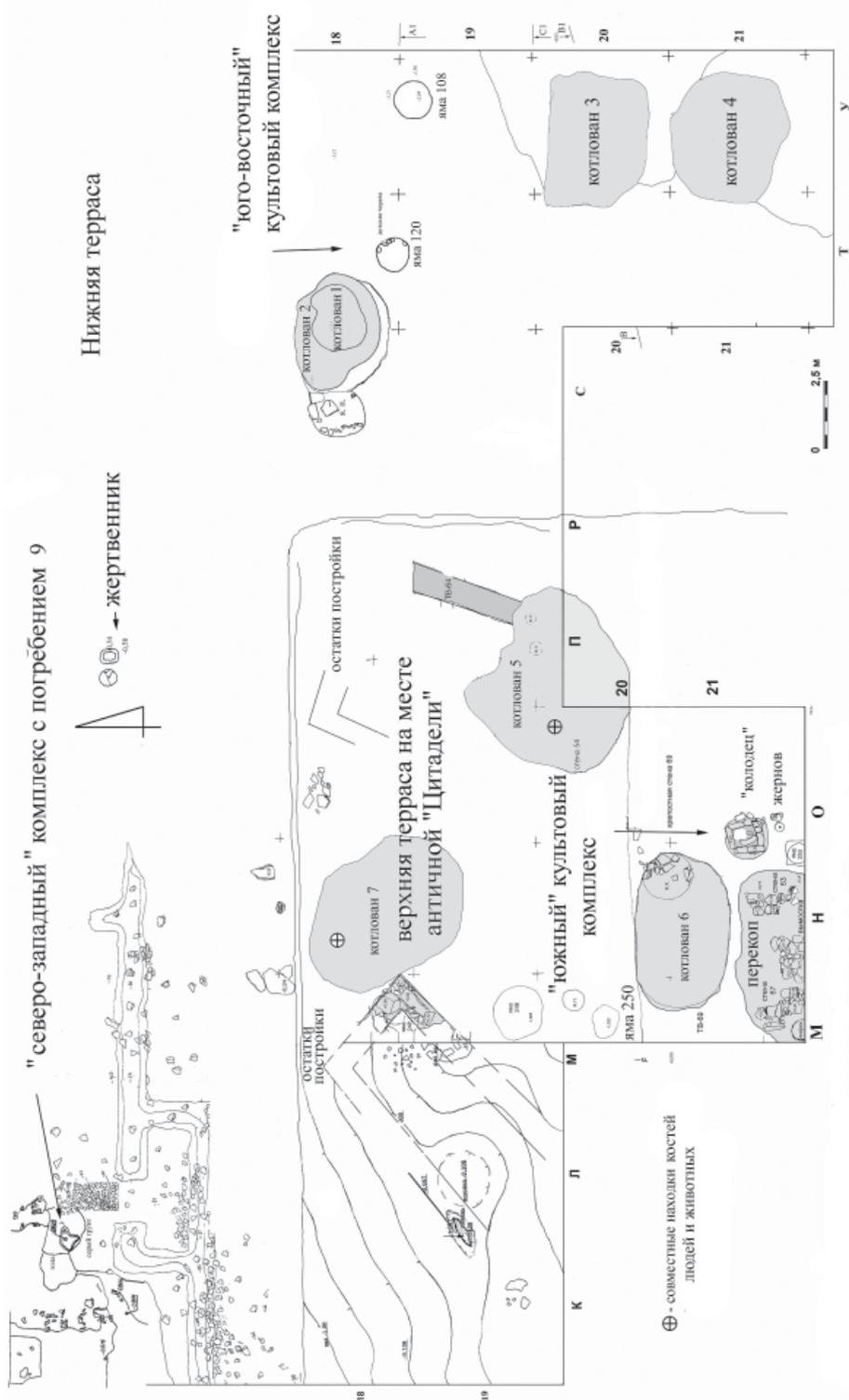

Рис. 9. Раскоп I. План южного участка

построек, а один – котлован 6, – возможно, представлял собой остатки хозяйственной полуземлянки (рис. 9).

В 2001 г. в кв. ОП 19-20 был исследован котлован перекопа 5. В плане он имел аморфную форму. Диаметр пятна его заполнения достигал 5 м. Глубина перекопа составила 4,5 м. Стратиграфическая ситуация, прослеженная на этом участке раскопа, позволяет утверждать, что камень в этом перекопе стал добываться уже после того, как прекратила функционировать постройка в кв. О-Р 18-20, траншеей выборки восточной стены которой он прорезал. Позднее, когда котлован был засыпан, в нем был вырыт еще один котлован размерами 3,80–4,12×3,90–4,0 м и глубиной 2,12–2,15 м. Заполнен он был золистым темно-коричневым гумусированным грунтом, с большим количеством бутового камня, щебня, небольших кусков пористого стекловидного шлака, углей, окалины, кусочков проржавевшего железа, обломков пачины, цемянки, рыбьих костей и раковин моллюсков. Среди керамики преобладали амфоры и столовая посуда первых веков н. э. Керамические изделия второй половины VIII – первой половины X вв. представлены немногочисленными фрагментами причерноморских амфор (рис. 16, 21–24), ойнохой скалистинского типа (рис. 16, 25) и обломками стенок салтово-маяцких горшков.

В северной его части, на глубине 1,90–2,05 м, обнаружены разрозненные кости быка и раздавленный череп человека со следами искусственной деформации и без нижней челюсти³⁵. Поскольку они были компактно уложены на нижних, обнаженных котлованом, рядах кладки северо-восточной башни античной «циитадели», есть все основания предположить, что более поздний котлован вырыли специально для совершения в нем ритуального захоронения. К сожалению, находки, обнаруженные в его засыпи, не позволяют датировать захоронение в узких пределах, но, учитывая стратиграфическую ситуацию на этом участке раскопа, его с уверенностью можно отнести к одному из последних этапов существования поселения. По крайней мере, оно было совершено уже после того, как на этом участке прекратили добывать камень, и спустя значительный промежуток времени, после того как была разрушена постройка в кв. ОП 19-20.

Еще один перекоп – котлован 7 был – обнаружен в кв. М-О 18-19 между двумя каменными постройками. Он имел в плане аморфную, приближенную к овалу форму и был вытянут по длинной оси в направлении СЗ-ЮВ. Размеры котлована – 6,5×4,4 м, глубина – 0,30–0,40 м. Заполнен он был темно-коричневым грунтом с большим количеством известнякового щебня, костей животных и разновременной керамики, в том числе немногочисленными фрагментами причерноморских амфор, стенками ойнохой скалистинского типа и фрагментами салтово-маяцких горшков. Перед тем как котлован был засыпан, в нем, как и в котловане перекопа 5, было совершено комбинированное жертвоприношение отдельных частей тела человека и животного. Его остатки, включавшие челюсть взрослого мужчины, череп и разрозненные кости ног лошади, были обнаружены на дне котлована в северо-западной его части.

В 4,1 м к юго-западу от котлована 5 был выявлен котлован 6. В плане он имел овальную форму и был вытянут по длинной оси в направлении ЗСЗ-ВЮВ. Размеры его составляли 5,7×3,3 м, глубина – 0,60 м. Заполнен он был рыхлым щебни-

³⁵ Винокуров 2011а, 61.

стым грунтом светло-желтого оттенка. Из засыпи происходят фрагменты разновременной античной керамики, а также профильные части пифосов VIII–X вв. (рис. 16, 26) и салтово-маяцких горшков, в том числе пифосообразного толстостенного горшка, которые чаще всего использовались в качестве тарных сосудов. Тулово этих горшков обычно покрывалось горизонтальным, реже волнообразным, врезным орнаментом и завершалось массивным, отогнутым наружу округлым венчиком диаметром до 22–24 см, украшенным пальцевыми защипами (рис. 16, 27). Их фрагменты, а иногда и целые экземпляры обнаружены на многих городищах и поселениях VIII–X вв. Северского Донца, Нижнего Дона, Северного Приазовья, Таманского полуострова, Прикубанья, Северного Кавказа и Поволжья³⁶. В Крыму большая часть их находок приходится на салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова и городище Тепсень³⁷.

В отличие от аморфных в плане перекопов 5 и 7, котлован 6 вполне можно было бы интерпретировать как остатки хозяйственной полуземлянки. Однако, кроме как его правильной геометрической формой, другими и более надежными свидетельствами это предположение не подтверждается.

Последний исследованный в юго-западной части раскопа перекоп был частично раскопан в 0,3–0,5 м к югу от котлована 6. Площадь его составляла более 20 кв. м, а глубина варьировалась в пределах 0,12–0,45 м. Заполнен он был рыхлым щебнистым грунтом светло-желтого оттенка. Из находок преобладали обломки античной черепицы и керамики первых веков н. э. Помимо них обнаружены немногочисленные стенки салтово-маяцких горшков.

В 1,2 м к северо-западу от котлована 6 обнаружена хозяйственная яма 250. Верхняя ее часть полностью уничтожена более поздними перекопами. Придонная часть, диаметром 1,61 м, имела в плане округлую форму и сохранилась на глубину 0,47 м. Яма была заполнена золистым грунтом серого оттенка, содержащим кости животных, створки мидий и обломки печины. Здесь же найдены обломки каменной горловины, известняковая крышка (диаметром 0,60 м и толщиной 0,06 м) и обломки керамики, преимущественно первых веков н. э. Засыпана яма была не ранее второй половины IX в., на что указывают находки венчика высокогорлого кувшина с плоской ручкой (рис. 16, 16) и горла причерноморской амфоры с бороздчатым рифлением (рис. 16, 17).

В 1999–2000 гг. в юго-западной части раскопа был исследован один из наиболее интересных объектов, представлявший собой совместное захоронение подростка и *pars pro toto* туши быка, совершенное в каменном сооружении, внешне напоминавшем колодец (рис. 9; 10, 1, 3). В качестве гидротехнического сооружения эта необычная конструкция использоваться не могла, поскольку, при глубине 2,39–2,46 м, она не достигала водоносного горизонта, залегавшего в этой части мыса на 20–30 м ниже.

³⁶ Ляпушкин 1958а, 110, рис. 7; Плетнева 1959, 222, рис. 9, 12, 13; Красильников 1999, 173; Кияшко 2012, 150, рис. 2, 5, 6; Ключников 2009, 249–250, рис. 9, 4; 11, 1; 12, 9–14; Лопан 2001, 110, рис. 4, 2; Тарабанов 1993, 121, рис. 6, а-г; Тарабанов 1997, рис. 2, 5, 8, 11; Биджиев 1979, рис. 5; Ляпушкин 1941, 207–208, табл. III, 1; Кузнецов, Голофаст 2010, рис. 33, 4; Виноградов 2002, 80, рис. 4, 3; Моржерин 2000, 60.

³⁷ Зинько, Пономарев 2009, 67; Майко 2004, 198.

При возведении «колодца» под его каменную конструкцию была выкопана округлая в плане яма (№ 254) размерами 1,54×1,80 м, прорезавшая рыхлый суглинистый слой темно-желтого оттенка с большим количеством известнякового отеса, отложившегося в процессе строительства античной «цитадели» городища. Заполнена она была таким же по структуре и плотности грунтом, но более светлого оттенка. Из находок в заполнении ямы отметим ручку античной амфоры и монету Рискупорида III (210–226 гг. н. э.).

В плане шахта «колодца» имела неправильную четырехугольную форму, в разрезе – трапециевидную, при этом углами была ориентирована по оси ВСВ-ЗЮЗ. По направлению к дну она расширялась; соответственно, на уровне горловины ее размеры составляли 0,85×0,72 м, а на уровне дна – 1,02–1,04×1,04 м. Стенки шахты были сложены из обработанных известняковых плит, установленных на ребро с перевязкой рядов. Кладка однослойная, орфостатная, однолицевая (рис. 10, б). Всего было уложено семь рядов плит, между некоторыми из них прослежены следы известкового и глиняного растворов. Лицевая, обращенная внутрь шахты, поверхность плит обработана каменотесным инструментом наподобие скампеля. В северной стенке, на высоте 0,90–0,98 м от дна, была устроена ниша размерами 0,15×0,12×0,14 м, но ее назначение выяснить не удалось. По крайней мере, она не использовалась для установки светильника, поскольку следы копоти на ее стенках отсутствовали.

На дне «колодца» отложился небольшой слой вязкой глины серо-зеленого оттенка толщиной 1,5–3,2 см. Ее перекрывала прослойка обугленного, напоминающего сажу грунта толщиной 2–3 см, с большим количеством перегоревших зерен пшеницы или ячменя. Следы воздействия высоких температур и пламени в виде пятен красно-бурого оттенка прослеживались и на поверхности плит стенок «колодца».

Спустя небольшой промежуток времени, за который прослойка обугленного грунта еще не была перекрыта другими отложениями, в северо-западном углу «колодца» было совершено ритуальное захоронение подростка, уложенного на спине, головой на запад (рис. 10, 4, 5). Правая его верхняя конечность согнута в локтевом суставе, кисть перекрыта костями нижних конечностей. Левая верхняя конечность, перекрытая костями нижних конечностей, вытянута вдоль туловища. Нижние конечности сильно согнуты и развернуты в северном направлении. При этом бедренные кости сдвинуты от костей таза, но сохранили связь в коленных суставах с костями голени. Кости стоп полностью перекрыты малыми и большими берцовыми костями. Такое положение костей нижних конечностей вряд ли можно признать естественным. Скорее всего, перед погребением ноги подростка были отчленены по бедренным суставам, а стопы – по суставам от голеней. Подрезкой сухожилий может объясняться и их скорченное положение. Возможно, еще до разложения мягких тканей была отделена и голова, поскольку череп вместе с челюстью был смещен от естественного анатомического положения и уложен основанием на грудную клетку.

В центре «колодца», на том же уровне, что и погребение подростка, находились несколько грубо расколотых плит известняка. На одну из них был уложен череп крупного быка, установленный рогами вниз и ориентированный по оси ЮЗ-СВ (рис. 10, 5). Рядом с камнями были найдены хвостовые позвонки и кости плоские,

зачищенные вне анатомического порядка. По всей видимости, в «колодце» вместе с подростком было совершено ритуальное захоронение шкуры быка и частей его скелета. Иными словами, речь идет о заместительной жертве, принесенной по довольно часто практиковавшейся в древности многими народами схеме *pars pro toto* – часть (отдельные кости, шкура или «чучело») вместо целого животного.

Остатки ритуального захоронения были перекрыты слоем плотного грунта темно-коричневого оттенка мощностью 0,86–0,90 м. В нем прослежены прослойки золы, мелкие древесные угли, раковины виноградных улиток и кости диких животных – нескольких мышей, четырех зайцев и щенка лисицы, вероятно, попавших сюда случайно.

Этот слой был перекрыт однородным и очень рыхлым щебнистым грунтом светло-серого оттенка с прослойками темно-коричневого суглинка. Мощность его достигала 1,60 м, но при этом, за исключением нескольких стенок античных амфор и ручки причерноморской бороздчатой амфоры, он практически не содержал находок.

Горловину «колодца» перекрывала поилка (или кормушка) для скота, размерами 1,10–1,20×0,70×0,50–0,60 м и глубиной 0,30 м, вырезанная из известнякового блока (рис. 10, 2). Ее сбросили в шахту, когда она была засыпана только на половину своей глубины, при этом поилка не перекрыла горловину полностью. Благодаря этому обстоятельству частично засыпанный «колодец» превратился в своеобразную ловушку для мелких животных, и лишь со временем его беспрепятственно заполнил затечный грунт.

Датировать ритуальное захоронение в «колодце», хотя и в очень широких пределах – второй половиной VIII – первой половиной X вв., позволяет единственная находка – горловина причерноморской амфоры с бороздчатым рифлением (рис. 16, 18)³⁸, обнаруженная под лопаточной костью подростка. Дискуссионным остается и его назначение, поскольку языческие верования и обряды народов салтово-маяцкой культуры очень слабо отражены в письменных источниках и изучать их приходится, базируясь исключительно на археологических и этнографических материалах. В отношении рассматриваемого комплекса можно предположить его взаимосвязь с земледельческим и животноводческим культами плодородия, на что косвенно указывают обгоревшие зерна злаковой культуры на дне «колодца», поилка для скота, а также жернов и обломок плиты зернотерки, обнаруженные в 0,2 м к югу от него.

В этом же контексте вполне уместен и выбор быка в качестве жертвенного животного. Следы обрядов, при совершении которых в жертву приносились корова, бык и теленок (или части их расчлененных туш), зафиксированы на многих салтово-маяцких поселениях и могильниках, включая и Керченский полуостров³⁹. По-видимому, у населения этой культуры, как и у многих других земледельческих народов, эти животные являлись символом благополучия, плодородия и производящих сил природы и, соответственно, могли быть связаны с земледельческими и животноводческими культами, «обеспечивавшими» в языческом сознании людей не только их благосостояние, но и само дальнейшее существование.

³⁸ Науменко 2009в, 43–47, тип II.

³⁹ Флеров 1971, 261–262, рис. 2; Артамонова 1963, 185, 186, рис. 7; Белинский, Кулаков 2013, 152, 162, рис. 7; Плетнева 1996, 78; Ключников 2009, 244–246; Колода 2001, 129; Винников, Ковалевский 2007, 54–55; Зинько, Пономарев 2005б, 245, рис. 19.

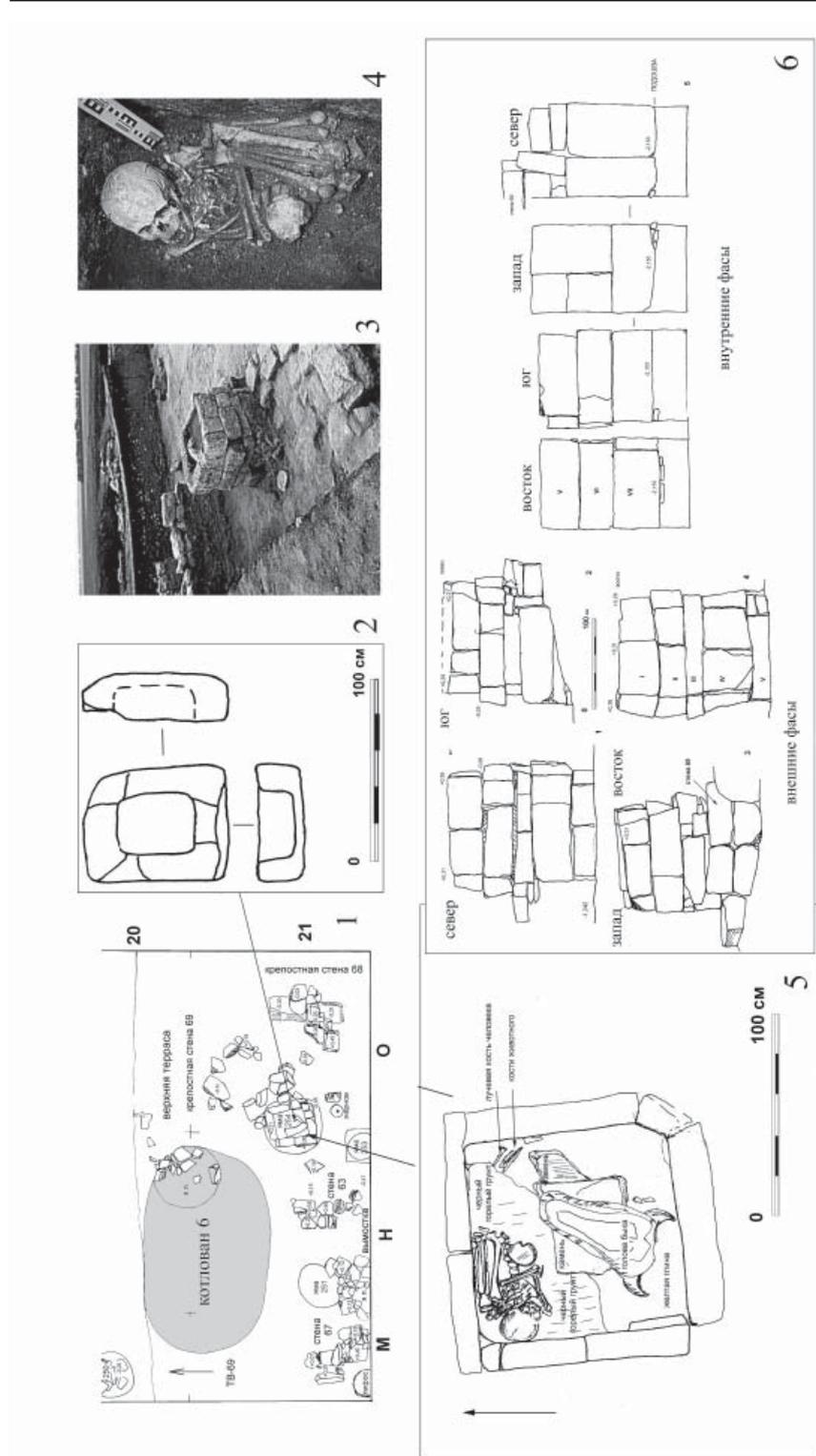

Рис. 10. Раскоп I. «Южный» культовый комплекс. 1 — план участка раскопа I с «колодецем» и котлованом 6; 2 — каменная поилка из шахты «колодца»; 3 — «колодец». Вид с юго-востока; 4 — скелет подростка в «колодеце». Вид с востока; 5 — план на уровне костей скелета подростка и быка в шахте «колодца»; 6 — внешние и внутренние фасы стен шахты «колодца»

Впрочем, нельзя исключать, что жертвоприношение, совершенное, по-видимому, в специально сооруженном для него «колодце», было принесено в каких-то иных, возможно, даже комбинированных целях. К примеру, специальные, использовавшиеся не для забора воды, а в ритуальных целях культовые колодцы, раскопанные на славянских и кельтских святилищах, служили, по мнению исследователей, для связи с «подземным миром», а принесенные в них жертвы означали дар предкам или отправление посланцев в потусторонний мир⁴⁰.

Напомним также, что, помимо захоронения в «колодце», на этом участке поселения было совершено еще два ритуальных жертвоприношения расчлененных останков людей и животных – быка и лошади, обнаруженных в 12–13 и 7–8 м к северу и северо-востоку от «колодца». Компактное расположение этих объектов позволило в дальнейшем условно объединить их в т. н. «южный» культовый комплекс⁴¹.

Второй выделенный на поселении культовый комплекс получил условное наименование «юго-восточный». Он был обнаружен примерно в 10–15 м к северо-востоку и востоку от «южного» культового комплекса. В комплекс условно включены ямы 120 и 108. Возможно, также с ним были связаны котлованы 1–4, расположенные к северо-западу и югу от них (рис. 9).

Наиболее яркий его объект, представлявший собой совместное захоронение расчлененных останков детей и собак в яме 120, располагался в кв. Т 18-19. В плане яма имела округлую форму, в разрезе колоколовидную. Верхняя ее часть уничтожена дренажной траншеей кладбища XIX в. деревни Паша-Салын. Размеры ямы на верхнем, сохранившемся уровне 1,26×1,29 м, на уровне дна – 1,56×1,58 м. Глубина ее уцелевшей части – 0,53 м. Дно имеет заметный уклон к северу (рис. 11).

На дне ямы, в юго-восточной ее части, находились две разбитые причерноморские амфоры с бороздчатым рифлением (рис. 12, 1, 2). Среди обломков одной из них обнаружен скелет щенка собаки в возрасте 4–5 месяцев. Судя по его положению, он был помещен в амфору головой вниз.

Развал амфор был перекрыт плотной каменной забутовкой, пространство между камнями которой было заполнено гумусированным рыхлым грунтом серо-желтого оттенка. Мощность завала составляла 0,30–0,42 м. В нем были найдены древесные угли, обломки античной керамики, кости крупного рогатого скота (ребра, фрагменты челюстей и трубчатых костей коровы), а также ребра и фаланги пальцев ребенка.

На каменном завале вдоль восточного борта ямы расчищено пять детских, плохо сохранившихся черепов. Они были установлены на основании лицевым отделом на восток и ВСВ. Лицевой отдел одного из черепов разрушен и продавлен внутрь. Судя по молочным зубам, они принадлежали детям, возраст которых составлял 2–3 года, 3–4 года, 4–5 лет и 5–6 лет.

⁴⁰ Русанова, Тимошук 2007, 122–123.

⁴¹ В состав этого же комплекса условно включены еще два расположенных поблизости ритуальных захоронения, обнаруженных в северо-восточной части раскопа III. Одно из них – погребение быка или коровы (Винокуров 2011а, 61–62), второе – захоронение расчлененных останков людей и нескольких десятков собак, совершенное в шахте брошенного античного колодца и котловане, окружавшего его перекопа (Винокуров 2011б, 70, рис. 1; 8). Кроме того, в 2,12 м к югу от «колодца» с ритуальным захоронением подростка и быка было обнаружено погребение молодой женщины (Винокуров 2011а, 62–63, рис. 3).

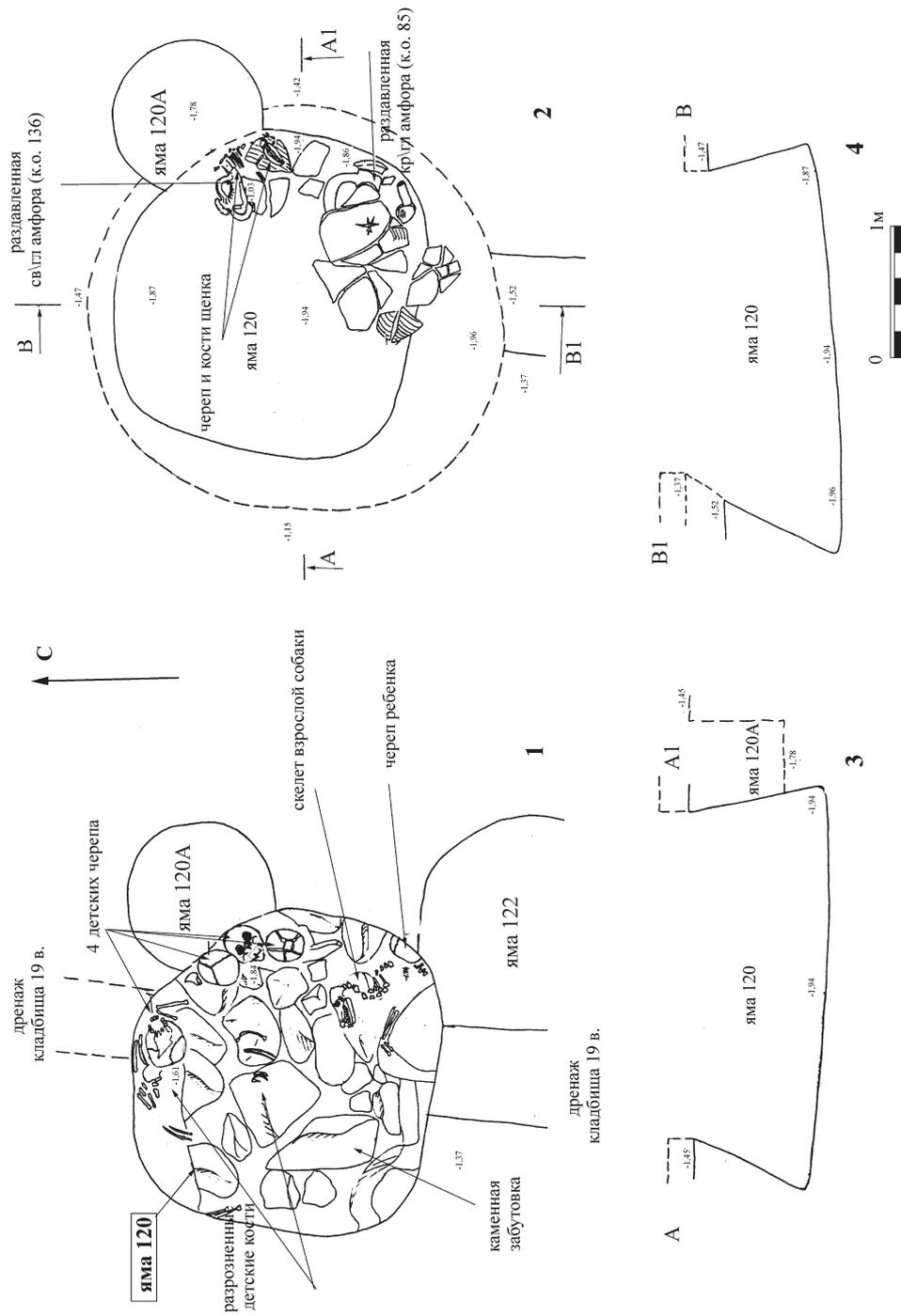

Рис. 11. Раскоп I. «Юго-Восточный» культовый комплекс. Планы и разрезы ямы 120

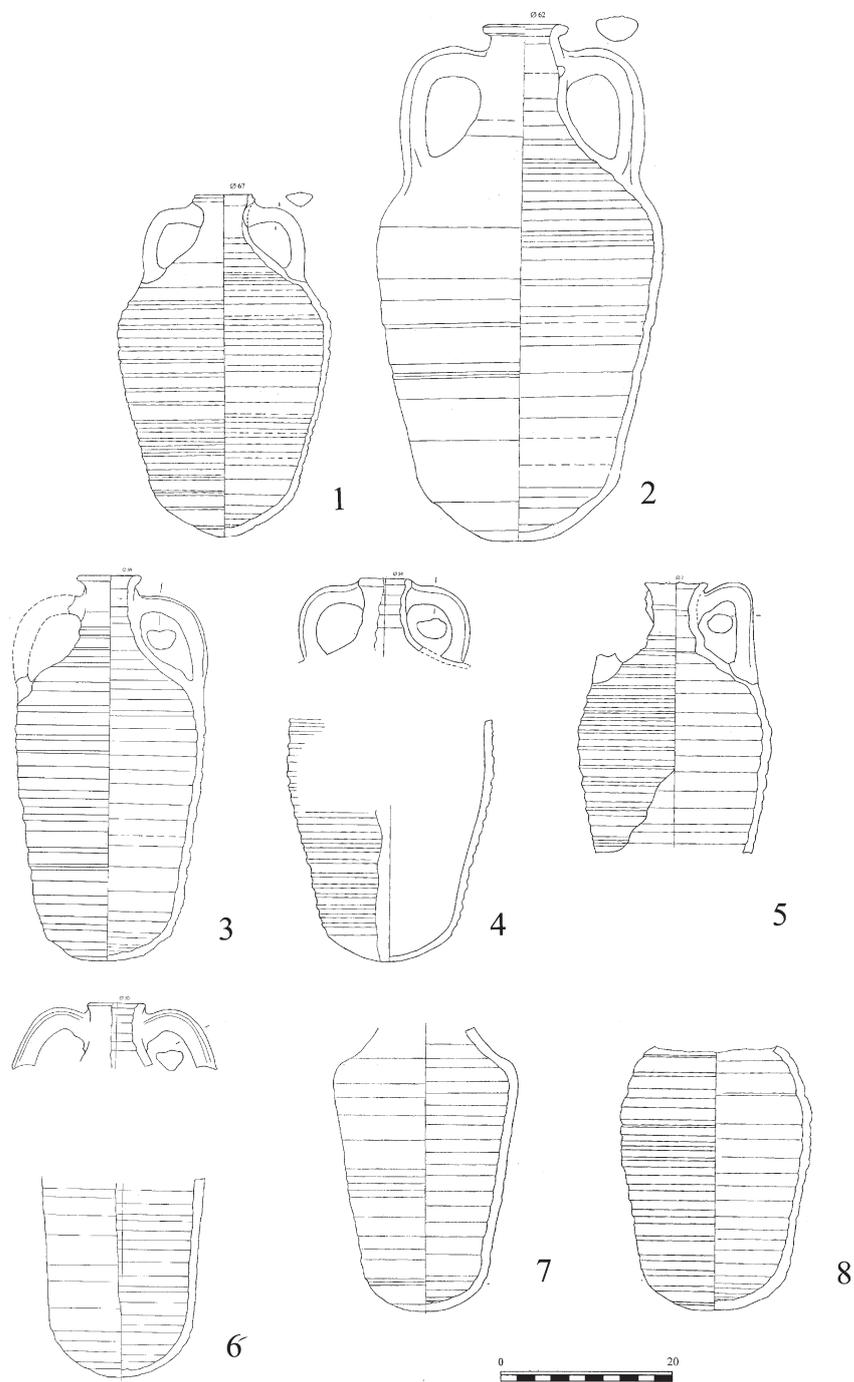

Рис. 12. Раскоп I. «Юго-Восточный» культовый комплекс. 1-2 – амфоры из заполнения ямы 120; 3-8 – амфоры из заполнения ямы 108

К северо-западу от последнего – пятого – черепа обнаружен скелет собаки, сохранившийся в полном анатомическом порядке. Она была уложена на правом боку, ее скелет вытянут в направлении запад – восток и ориентирован головой на запад. Передние лапы сложены вместе – одна на одной, задние упирались в восточный борт ямы. Шкура с нее при захоронении не снималась, поскольку *in situ* были найдены когти.

Под скелетом собаки обнаружены отдельные кости скелета ребенка – верхние конечности, ключица, позвонки и ребра. На этом же уровне, поверх камней и между ними, в центре ямы и в ее западной половине, найдены разрозненные и хаотично разбросанные кости (несколько позвонков, тазовые кости, лопатки, ребра, кости верхних конечностей) еще одного(?) ребенка.

Таким образом, основная сакральная нагрузка в этом, по-видимому стержневом для «юго-восточного» культового комплекса, ритуальном захоронении отводилась собакам (взрослым особям и щенкам) и детям в возрасте от двух до шести лет, тела которых были ритуально расчленены на птоματοлогической стадии некрологического цикла.

Совместные захоронения людей и собак широко практиковались народами салтово-маяцкой культуры, в том числе и салтовским населением Керченского полуострова⁴². При этом собаки, являвшиеся, видимо, одним из наиболее почитаемых животных, использовались ими во многих других обрядах и ритуалах и могли рассматриваться не только в качестве приношения высшим силам или проводника в потусторонний мир, но и как составная часть культа плодородия, зерна и земли⁴³.

Впрочем, не менее важная роль в захоронении, совершенном в яме 120, была отведена и расчлененным останкам детей, различные ритуалы с которыми, в том числе и «кровавые» жертвоприношения, практиковались с глубокой древности у многих народов и считались наиболее благоприятными и действенными⁴⁴.

Находки из других объектов, включенных в состав «юго-восточного» комплекса – ямы 108 и котлованов 1–4, – не имеют, в отличие от ямы 120, ярко выраженного сакрального облика. В этом ключе их можно идентифицировать только как остатки тризн, совершенных в момент захоронения детей и собак, при этом откровенно бытового характер находок оставляет широкие возможности для дальнейшей дискуссии.

Яма 108 обнаружена в кв. У 18-19 и находилась в 4,80 м к востоку от ямы 120 (рис. 9). В плане она имела округлую форму, в разрезе грушевидную. Верхняя ее часть не сохранилась. Нижняя часть ямы, выкопанная в материковой глине, прослежена в виде округлого пятна серо-коричневого оттенка размерами 1,10×1,37 м. Диаметр дна – 1,69 м. Глубина сохранившейся части ямы – 1,49 м. Заполнена она была золистым плотным грунтом серо-желтого оттенка с включениями костей животных (трубчатых костей, ребер, челюстей и зубов мелкого и крупного рогатого скота), раковин виноградных улиток, створок мидий, бесформенных кусков

⁴² Артамонова 1963, 205–206, рис. 138; Квитковский 2012, 26–28, рис. 2; 3; Марти 1941, 32.

⁴³ Михеев 1985, 28; Плетнева 2004, 67–68; Флеров 1995, 89; Белинский, Кулаков 2013, 152, 162, рис. 7; Флеров 1971, 261–262, рис. 2; Плетнева 1996, 80–81, рис. 26, б; 31, а; 1989, 206, 243; ср: Крижевская 1990, 46; Рыбаков 1994, 207; Чибилов 1983, 100.

⁴⁴ Козлов 2013, 65–70; Бессонова 1992, 11–12.

печины и стекловидного пористого шлака, а также фрагментов античной и раннесредневековой керамики.

Сюда же были сброшены крупные обломки шести причерноморских бороздчатых амфор, часть которых удалось склеить (рис. 12, 3–8). Античная керамика, попавшая в заполнение ямы как примесь «снизу», представлена обломками черепицы, амфор первых веков н. э., столовой красноглиняной посуды, краснолаковых и лепных сосудов. Помимо керамики, в заполнении ямы найдены обломки железных гвоздей (рис. 13, 3), фрагмент изделия из белого мрамора (рис. 13, 3), абразивный камень из морской гальки (рис. 13, 5), метательное ядро из песчаника (рис. 13, 6), а также обработанная кость (лопатка) с нарезками по боковой грани (рис. 13, 7) и трубчатая кость с насечками на одной из сторон, вероятно, использовавшиеся для обработки сырой кожи (рис. 13, 8). Датировать большинство из этих находок не представляется возможным, поскольку в равной степени их можно отнести к античной и раннесредневековой эпохе. Исключение, пожалуй, можно сделать только для трубчатой кости с насечками, аналогии которой найдены в Таматархе и Саркеле – Белой Веже⁴⁵.

Помимо ям 120 и 108, в состав комплекса условно включены котлованы 1–4, хотя, как уже упоминалось выше, прямых и надежных свидетельств в пользу того, что они были задействованы в каких-либо ритуалах или обрядах, получить не удалось. В плане они имели форму, приближенную к овалу, а в сечении, за счет сужавшихся к низу бортов, трапециевидную форму. Размеры котлована 1 – 1,19×1,31 м, глубина – 2,31 м; котлована 2 – 2,21×4,27 м, глубина – 2,54 м; котлована 3 – 2,98×3,71 м, глубина – 1,11 м; котлована 4 – 2,27×1,21 м, глубина – 0,29–0,76 м. Заполнены они были золистым мелкодисперсным грунтом с линзами черного цвета и темно-коричневого оттенка, прослойками гумуса, бутового камня и щебня. В нем обнаружено большое количество бытовых отходов с включениями кусков пористого стекловидного шлака, древесных углей, отходов металлургического производства, конкреций ожелезненных песчаников, обломков печины, рыбьих костей, створок раковин мидий, пережженных костей животных и птиц, в том числе со следами обработки. Изредка встречались куски кристаллического гипса, месторождение которого известно в 12 км к северо-западу от городища в районе урочища Сююрташ, а также пластины слоистого мергеля розового и бежевого оттенка. Среди находок в засыпи котлованов, повредивших и частично выбравших ямы античного времени, преобладали обломки разновременной античной керамики. Керамические изделия второй половины VIII – первой половины X вв. представлены фрагментами красноглиняных гладкостенных и желобчатых пифосов VIII–X вв. (рис. 16, 1, 19, 20), причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 14, 1, 2; 16, 2, 7), высокогорлых кувшинов с плоской ручкой (рис. 14, 3), ойнохой скалистинского типа (рис. 14, 6), горшков и горшочков с шаровидным или яйцевидным туловом с пальцевым вдавлением на месте верхнего крепления ручки (рис. 14, 4, 5)⁴⁶ и салтово-маяцких горшков, часть которых украшена по тулову врезными горизонтальными и волнообразными линиями и семечкообразными вдавлениями, а по венчику – вдавлениями и насечками (рис. 14, 7–13; 15, 1–14; 16, 8–13). Здесь же найдены обломок лепного

⁴⁵ Флерова 1996, 285–286; Чхаидзе 2008, 222, рис. 126, 1–4.

⁴⁶ Науменко 2009б, 63–64.

светильника овально-конической формы и плоским дном (рис. 15, 15)⁴⁷, стенки стеклянных рюмок и бокалов изумрудно-зеленого и оливково-зеленого оттенка⁴⁸, а также два грубо обработанных обломка стенок амфор диаметром 2,8 см (котлован 2), атрибутируемых как «фишки» (для игры или без указания их функции) или заготовки для дисковидных пряслиц⁴⁹. Находки в котлованах 1 и 2 фрагментов высокогорлых кувшинов с плоской ручкой свидетельствуют в пользу того, что по крайней мере два из них были засыпаны не ранее второй половины IX в. Однако для «юго-восточного» культового комплекса в целом и ямы 120 в частности получить узкой даты не удалось.

Впрочем, как уже неоднократно упоминалось выше, узких хронологических рамок не имеют и все остальные открытые на исследованном участке комплексы. В лучшем случае часть из них, благодаря находкам высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, можно датировать не ранее второй половины IX в., а перекрывающие друг друга строительные комплексы разделить на два условных строительных периода. При этом следует отметить, что к первому строительному периоду относятся не только полуземлянки, но и каменные постройки.

Что же касается планировки этой части поселения, то, как и на других его раскопанных участках, следов плотной и регулярной застройки прослежено не было. На площади 2720 кв. м удалось выявить остатки 7–8 жилых и хозяйственных сооружений – трех (или четырех) полуземлянок, загона для скота и трех наземных построек на каменном фундаменте. К сожалению, все они имеют очень плохую сохранность, а некоторые исследованы не полностью. Поэтому их планировку и организацию внутреннего пространства реконструировать не удалось.

Остальные выявленные за пределами построек хозяйственные, бытовые и производственные комплексы представлены хозяйственными ямами, очагами и многочисленными котлованами перекопов, в которых добывался камень из разрушенных античных построек. Стратиграфические наблюдения, а также находки в заполнении в некоторых котлованах высокогорлых кувшинов с плоской ручкой позволяют предположить, что по крайней мере часть из этих своеобразных «каменоломен» разрабатывалась на последнем этапе существования поселения.

Особый интерес, несомненно, представляют культовые и ритуальные комплексы – погребение подростка со следами обряда обезвреживания, жертвенник и совместные жертвоприношения людей и животных, сконцентрированные в центральной и южной части раскопа. Некоторые из них были объединены в два культовых комплекса, располагавшихся недалеко друг от друга в наиболее возвышенной части поселения. Ритуальные захоронения были совершены в сооружении, напоминающем колодец, ямах и расположенных рядом с ними котлованах, образовавшихся на месте добычи камня из античных построек. В одном из них была принесена совместная жертва детей и собак, в двух других – человека и быка, еще в одном комплексе – человека и лошади. Все они являлись объектами «временного пользования», поскольку после совершения ритуала, видимо, сразу же засыпались и были, скорее всего, связаны с земледельческими и животновод-

⁴⁷ Плетнева 1959, 252–253, рис. 38, 1–3; Зинько, Пономарев 2008, 428, рис. 7, 5.

⁴⁸ Веймарн, Айбабин 1993, 194–195, тип II, вариант 1–1; 2–1.

⁴⁹ Высотская 1995, 49; Нидзельницкая, Кулаков 2013, 42; Кравченко, Давыденко 2001, 247, рис. 13, 7–11; Михеев 1985, 65, рис. 29, 1–3; Пархоменко 1985, рис. 7, 9–10.

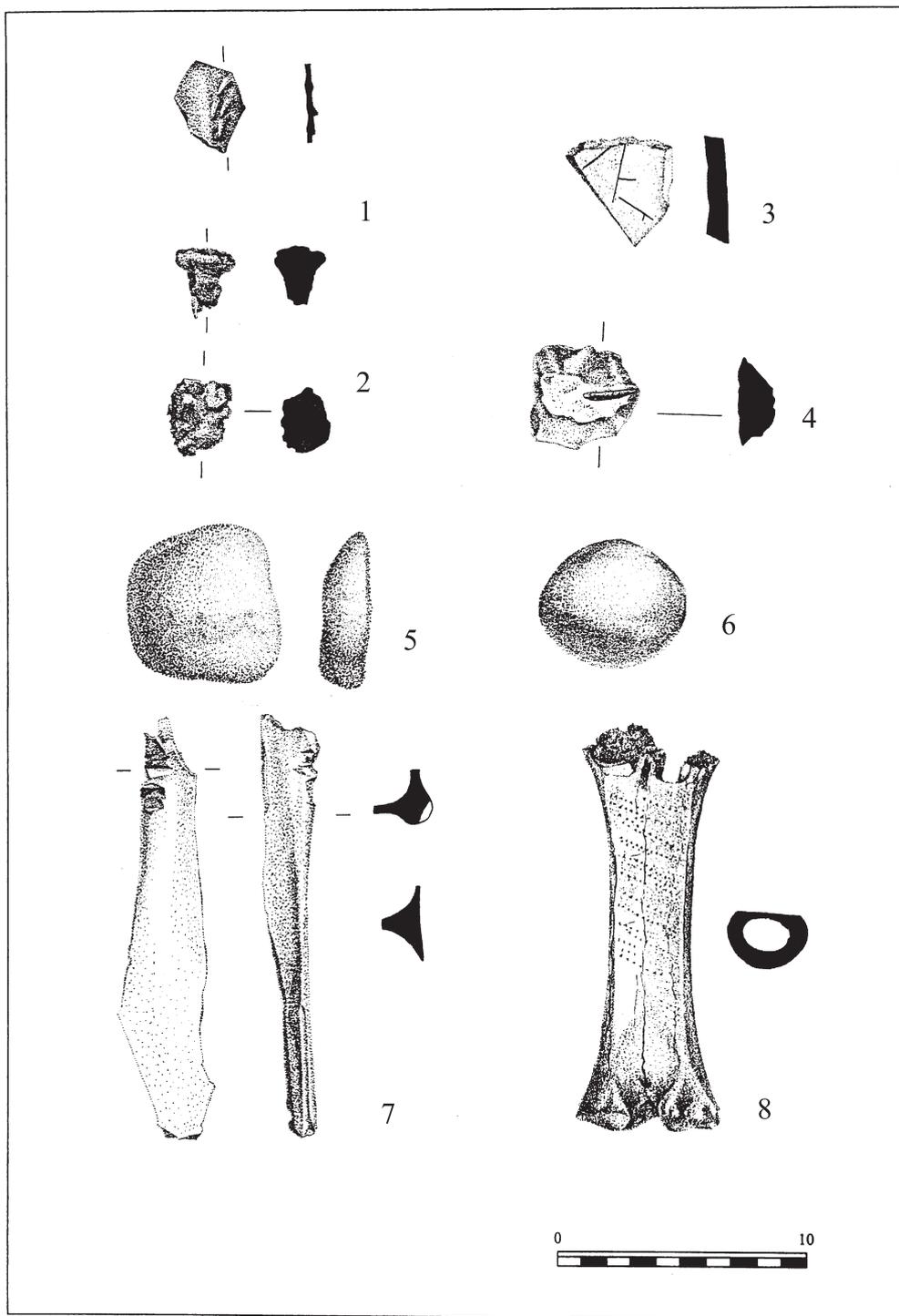

Рис. 13. Раскоп I. «Юго-Восточный» культовый комплекс. 1-8 – находки из заполнения ямы 108

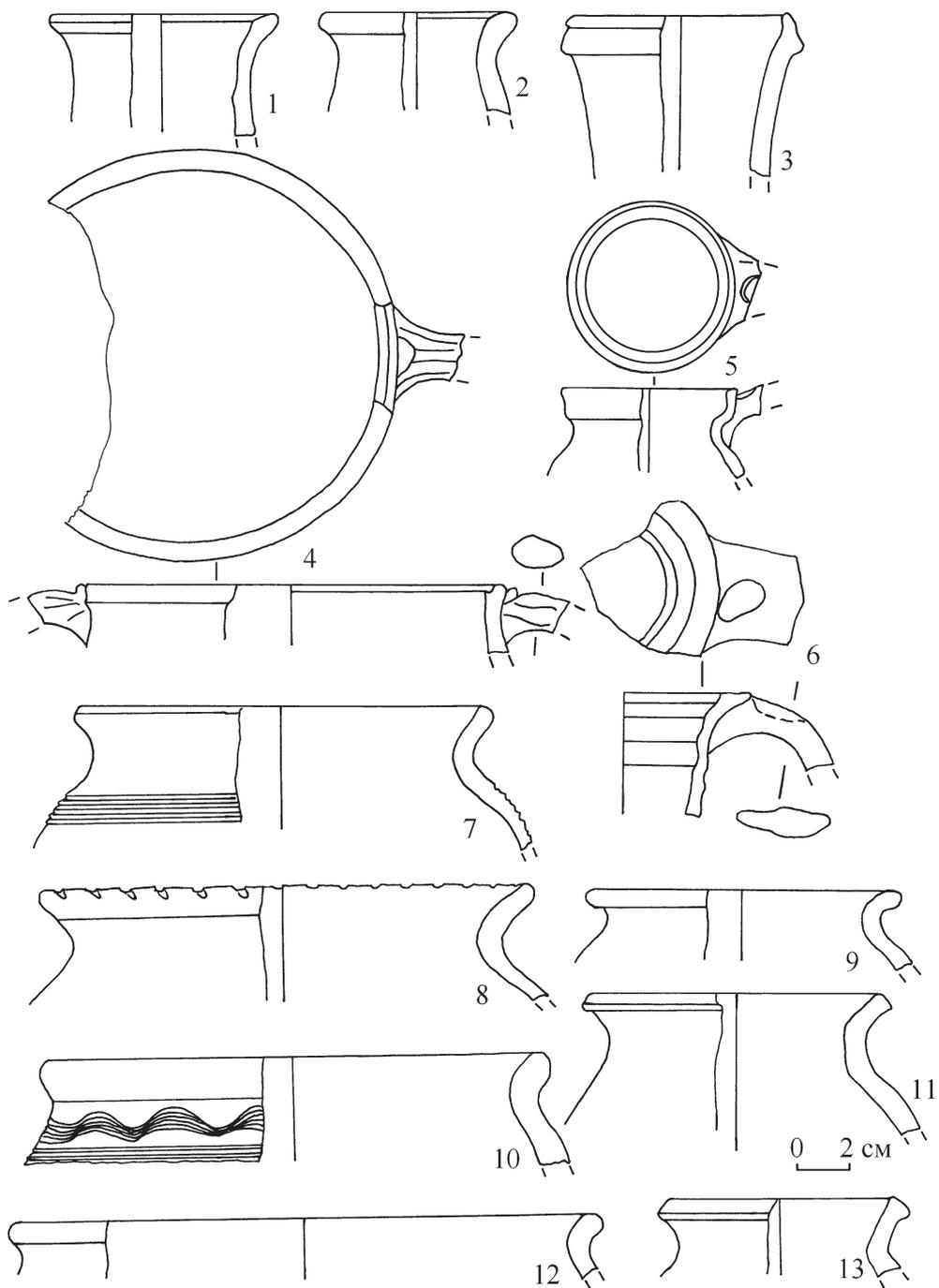

Рис. 14. Раскоп I. 1-13 – керамика из заполнения котлована 1

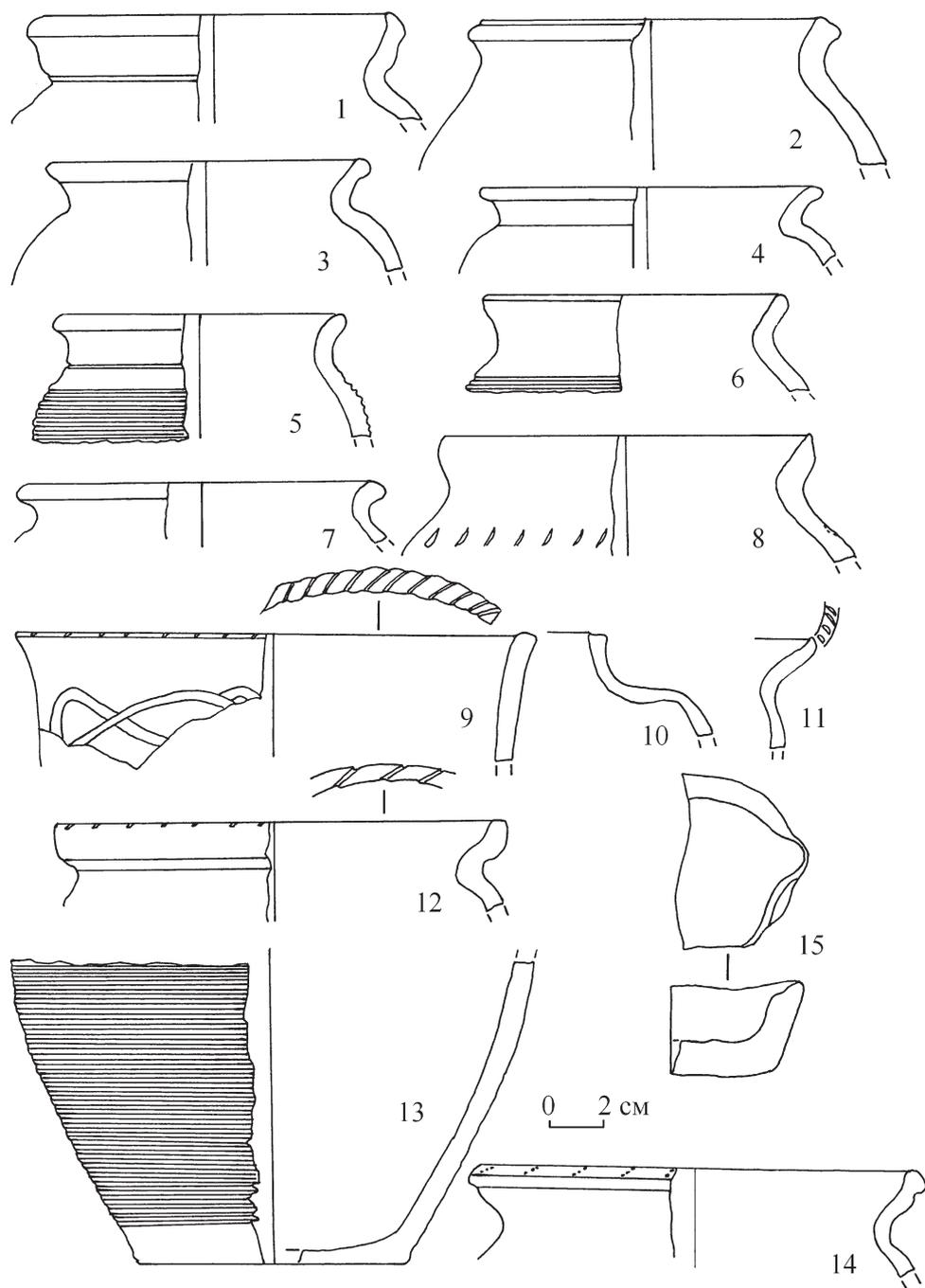

Рис. 15. Раскоп I. 1–15 – керамика из заполнения котлована I

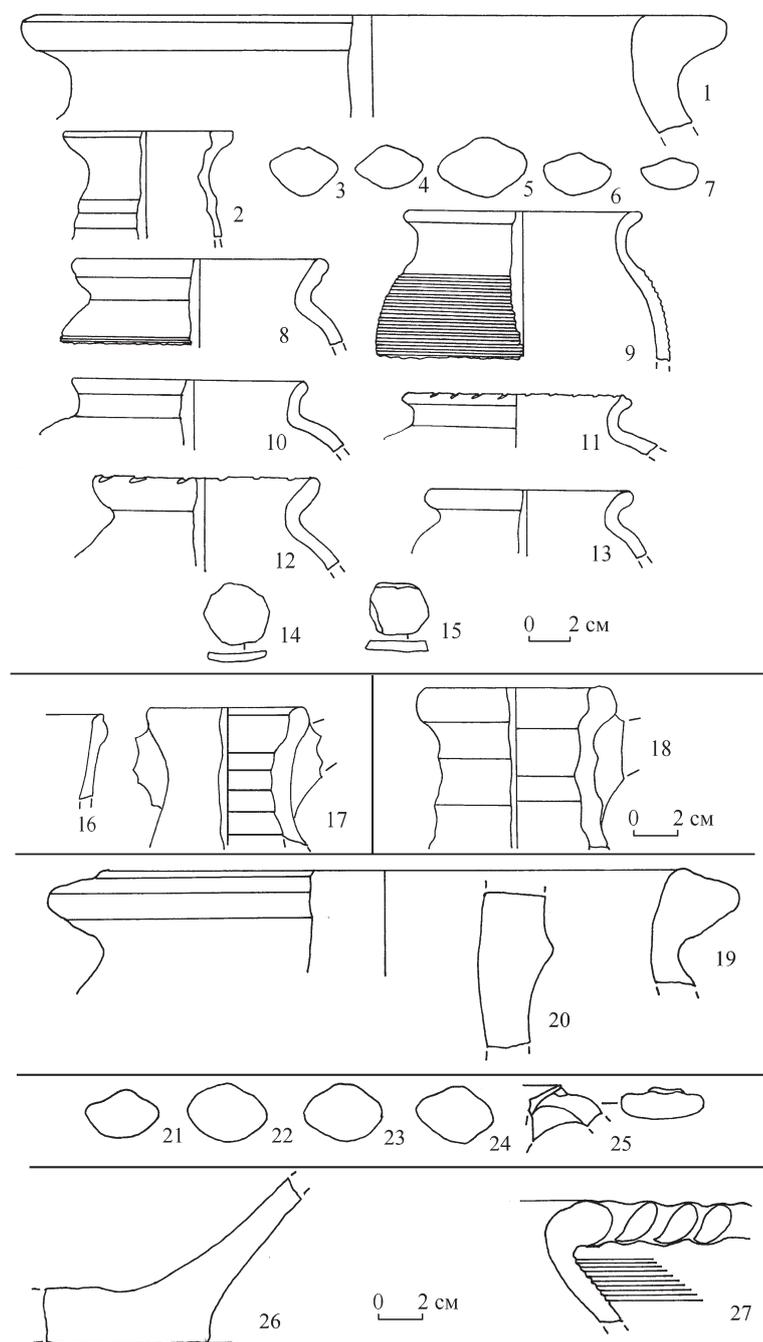

Рис. 16. Раскоп I. 1–15 – керамика из заполнения котлована 2; 16–17 – керамика из заполнения хозяйственной ямы 250; 18 – горло амфоры из заполнения «колодца» с ритуальным захоронением; 19–20 – керамика из заполнения котлована 3; 21–25 – керамика из заполнения котлована 5; 26–27 – керамика из заполнения котлована 6

ческими культурами плодородия, «обеспечивавшими» в языческом сознании жителей поселения не только благосостояние, но и дальнейшее существование общины.

Животные и люди при этом выступали в качестве жертв-даров, которые приносились божеству или божествам с надеждой получить хороший урожай, приплод скота, отвратить беду, стихийные бедствия, болезни или в благодарность за уже «полученные» блага.

Такая концентрация разнообразных культовых объектов была впервые зафиксирована на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова. При этом, за исключением железного церемониального креста, датирующегося при отсутствии надежных аналогий в пределах всего раннего средневековья, на поселении Артезиан пока не удалось обнаружить каких-либо материальных свидетельств распространения среди его жителей христианства. Таким образом, учитывая остальные накопленные археологические материалы, можно предполагать, что, несмотря на тесные контакты с «провинциальным византийским миром», прежде всего городским, имеющим глубокие христианские корни, населением г. Боспора, какая-то часть жителей салтово-маяцких поселений Керченского полуострова еще длительное время продолжала придерживаться традиционных для них культов и верований, сосуществуя при этом с соплеменниками, принявшими христианство. Возможно даже, что процесс христианизации так и не был завершён вплоть до ухода салтово-маяцкого населения с территории Крыма⁵⁰.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин, А.И. 1976: Стекланные рюмки из раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма. *СГЭ* XLI, 27–30.
- Аксенов, В.С. 2002: Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубжанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры. *РА* 3, 98–114.
- Аксенов, В.С. 2009: Захоронения с нарушением анатомического порядка костяка на могильнике салтовской культуры у с. Червоная Гусаровка. *ХА* 8, 89–102.
- Аксенов, В.С. 2014: Новые материалы по вопросу освоения населением Хазарии бассейна Северского Донца. *ХА* 12, 4–33.
- Албегова, З.Х., Гусаков, М.Г. 2001: Культовое назначение постройки 21 Маяцкого селища. В сб.: Н.В. Малиновская (ред), *Практика и теория археологических исследований. Труды отдела охранных раскопок*. М., 122–131.
- Артамонов, М.И. 1935: Средневековые поселения на Нижнем Дону. По материалам Северо-Кавказской экспедиции. *ИГАИМК* 131, 1–118.
- Артамонова, О.А. 1963: Могильник Саркела – Белой Вежи. *МИА* 109 (Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III), 9–215.
- Баранов, И.А., Майко, В.В. 1999: К вопросу о типологии столовой лощеной посуды Юго-Восточного Крыма второй половины X века. *ХСб* X, 287–290.
- Белинский, И.В., Кулаков, А.А. 2013: Средневековый слой поселения Октябрьское I. В сб.: В.В. Ключников, А.А. Кулаков (ред.), *Хазарские древности*. Аксай, 140–162.
- Бессонова, С.С. 1992: Жертвоприношения подростков в скифских курганах. *Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Межд. науч. конф., посвященной памяти А. И. Тереножкина*. Мелитополь, 11–12.
- Биджиев, Х.Х. 1979: Средневековая керамика Хумаринского городища (По материалам раскопок 1977 г.). В сб.: В.И. Марковин (ред.), *Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии*. Черкесск, 154–169.

⁵⁰ Пономарев 2004, 460; 2011, 291–292; 2012–2013, 171.

- Веймарн, Е.В., Айбабин, А.И. 1993: *Скалистинский могильник*. К.
- Веселов, В.В. 2005: *Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. Древности Боспора II*. М.
- Винников, А.З., Афанасьев, Г.Е. 1991: *Культовые комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции)*. Воронеж.
- Винников, А.З., Ковалевский, В.Н. 2007: Могильник салтово-маяцкой культуры у с. Тихий Дон в Воронежской области. *ХА* 6, 51–64.
- Виноградов, Ю.А. 2002: Салтово-маяцкие комплексы поселения Артющенко-I на Таманском полуострове. *ЗВОРАО I (XXVI)*, 73–81.
- Винокуров, Н.И. 1997: Работы в Ленинском районе. В сб.: В.А. Кутайсов (ред.), *Археологические исследования в Крыму. 1994 год*. Симферополь, 62–65.
- Винокуров, Н.И. 1998: *Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье*. М.
- Винокуров, Н.И. 1999: Раскопки городища Артезиан в 1997–1998 гг. (Исследование северо-западного участка раскопа I). *ДБ* 2, 39–76.
- Винокуров, Н.И. 2004: Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам раскопок ритуальных захоронений в Крымском Приазовье). *OPUS: междисциплинарные исследования в археологии* 3, 55–87.
- Винокуров, Н.И. 2011а: Погребальные комплексы античного и средневекового времени: разрыв традиции или преемственность (на примере городища и некрополя Артезиан). *XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияния культур. Сборник материалов международной конференции*. Керчь, 55–67.
- Винокуров, Н.И. 2011б: Гидротехнические сооружения античного городища Артезиан в Крымском Приазовье. *ДБ* 15, 45–72.
- Винокуров, Н.И. 2014: *Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.)*. Боспорские исследования 12. Симферополь–Керчь.
- Винокуров, Н.И., Никонов, А.А. 2004: Тотальные разрушения второй половины III в. н. э. на Боспоре как хронологический репер. *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы между. науч. конф.* Ч. 1. СПб., 95–103.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2015а: Салтово-маяцкие комплексы городища Артезиан (по материалам раскопок 1994–2010 гг.). *Таврические студии. Исторические науки* 7, 46–53.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2015б: Южный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по материалам исследований на раскопе II). *ПИФК* 3 (49), 160–195.
- Высотская, Т.Н. 1995: Игрушки и игры поздних скифов. В сб.: Ю.М. Могаричев, И.Н. Храпунов (ред.), *Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма*. Симферополь, 47–51.
- Гадло, А.В. 1968: Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.). *КСИА* 113, 78–84.
- Голенко, В.К., Джанов, А.В. 2002: Раннесредневековое поселение на южном склоне горы Опук. *Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. (16–22 сентября)*. Киев–Судак, 76–78.
- Голенко, В.К. 2007: *Древний Киммерик и его округа*. Симферополь.
- Грач, Н.Л. 1999: *Некрополь Нимфея*. СПб.
- Зинько, В.Н., Пономарев, Л.Ю. 2005а: Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата. *МАИЭТ* XI, 406–429.

Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан 223

- Зинько, В.Н., Пономарев, Л.Ю. 2005б: Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у пос. Эльтиген. *БИ X*, 236–268.
- Зинько, В.Н., Пономарев, Л.Ю. 2008: Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове. В сб.: Г.Е. Афанасьев (ред.), *Древности Юга России: памяти А. Г. Атавина*. М., 420–440.
- Зинько, В.Н., Пономарев, Л.Ю.: 2009: *Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Боспорские исследования. Supplementum 5*. Симферополь–Керчь.
- Зинько, В.Н., Пономарев, Л.Ю. 2013: Разведки А. В. Гадло на Керченском полуострове в 1962 г. (в свете современных археологических данных). *БИ XXVIII*, 435–471.
- Иванов, А.А. 2013: Исследования юго-восточного участка Крымского городища в 2006–2008 гг. В сб.: В.В. Ключников, А.А. Кулаков (ред.), *Хазарские древности*. Аксай, 50–65.
- Иченская, О.В. 1981: Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника. В сб.: Н.И. Артеменко (ред.), *Древности среднего Поднепровья*. К., 80–96.
- Квитковский, В.И. 2012: Захоронение в круглой яме на селище Пятницкое-I. *Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження 2*, 26–29.
- Квитковский, В.И., Колода, В.В. 2010: Исследования Слобожанской раннесредневековой экспедиции на многослойном селище Пятницкое I. В сб.: Д.Н. Козак (ред.), *Археологічні дослідження в Україні 2009 р.* Київ; Луцьк, 184–186.
- Кияшко, Я.А. 2012: Раннесредневековый памятник вблизи станицы Суворовской на Нижнем Дону. *Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы междунар. конф., посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968) 3–5 декабря 2012 г.* Санкт-Петербург. СПб., 148–151.
- Ключников, В.В. 2009: Особенности строительно-хозяйственных комплексов городища Золотые Горки на Нижнем Дону. В сб.: В.П. Копылов (ред.), *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII междунар. науч. конф.* Ростов-на-Дону, 241–256.
- Козлов, М.М. 2013: Жертвоприношення дітей у східних слов'ян домонгольської епохи. *Науковий вісник Миколаївського національного університету імені В. О. Сухомлинського*. Сер.: Історичні науки 3.35, 65–70.
- Колода, В.В. 2001: Работы на Мохначанском городище в 2000 г. В сб.: Д.Н. Козак, Н.О. Гаврилюк (ред.), *Археологічні відкриття в Україні 1999–2000 рр.* К., 129–131.
- Колода, В.В. 2011: К вопросу о погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач). *Древности, 2011: Харьковский историко-археологический ежегодник 10*, 261–272.
- Колода, В.В. 2012–2013: Жилище с парным захоронением на городище Мохнач. *ХА 11*, 106–115.
- Кравченко, Э.Е., Давыденко, В.В. 2001: Сидоровское городище. *Степи Европы в эпоху средневековья 2*, 233–302.
- Красильников, К.И. 1979: Изделия из кости салтовской культуры. *СА 2*, 77–91.
- Красильников, К.И. 2009: Лощеная керамика из степного массива салтово-маяцкой культуры (типология, технология, орнаментика, клейма). *Степи Европы в эпоху средневековья 7*, 99–152.
- Красильников, К.И. 1999: Кухонна кераміка та керамічні вироби спеціального призначення салтово-маяцької культури Середньодонеччя. *Vita Antiqua 2*, 170–177.
- Крижевская, Л.Я. 1990: Погребения животных как форма проявления первобытных верований. *Конференция «Реконструкция древних верований: источники, метод, цель»*. Тез. докл. Л., 44–46.

- Крыганов, А.В. 1989: Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения). В сб.: И.Ф. Ковалева (ред.), *Проблемы археологии Поднепровья*. Днепропетровск, 98–114.
- Кубланов, М.М. 1976: Новые памятники некрополя Илурата. *КСИА* 145, 102–108.
- Кубланов, М.М. 1983: Раскопки некрополя Илурата. Итоги и проблемы. В сб.: С.А. Кучинский (ред.), *Научно-атеистические исследования в музеях*. Л., 96–129.
- Кузнецов, В.Д., Голофаст, Л.А. 2010: Дома хазарского времени в Фанагории. *ПИФК* 1 (27), 393–429.
- Лопан, О.В. 2001: Новые данные о керамике Маяцкого селища. В сб.: Н.В. Малиновская (ред.), *Практика и теория археологических исследований. Труды отдела охранных раскопок*. М., 105–121.
- Ляпушкин, И.И. 1941: Славяно-русские поселения IX–XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. *МИА* 6, 191–246.
- Ляпушкин, И.И. 1958: Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. *МИА* 62 (Труды Волго-Донской археологической экспедиции Т. I), 85–150.
- Майко, В.В. 2004: *Средневековое городище на плато Тенсень в юго-восточном Крыму*. К.
- Майко, В.В. 2012: Граффити на амфорах Юго-Восточного Крыма VIII – начала XI вв. В сб.: М.І. Гладкіх (ред.), *1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття)*. К., 69–82.
- Майко, В.В., Сьомін, С.В. 2003: Аланський середньовічний посуд Криму VIII – першої половини X століття. *Український керамологічний журнал* 1(7), 49–54.
- Марти, Ю.Ю. 1941: Разведочные работы вне городских стен Тиритаки. *МИА* 4 (Археологические памятники Боспора и Херсонеса), 25–36.
- Масленников, А.А., Бердникова, Л.А. 1977: Раскопки в районе с. Золотое на Керченском полуострове. В сб.: Б.А. Рыбаков (ред.), *Археологические открытия 1976 года*. М., 332–333.
- Смирнов, А.П. (ред.) 1969: *Материальная культура Средне-Цнинской мордвы VIII–XI вв. (По материалам раскопок П. П. Иванова за 1927–1928 годы)*. Саранск.
- Медведев, А.Ф. 1966: *Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв.* САИ Е1–36.
- Михеев, В.К. 1985: *Подонье в составе Хазарского каганата*. Харьков.
- Могаричев, Ю.М. 2005: О некоторых вопросах истории Восточного Крыма VIII–IX вв. *Сугдейский сборник* II, 237–247.
- Моржерин, К.Ю. 2000: Находки керамики VII–X вв. в среднем течении реки Медведицы. *Вопросы краеведения* 6, 60–61.
- Науменко, В.Е. 2009а: Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками. В кн.: Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. *Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. Боспорские исследования. Supplementum 5*. Симферополь–Керчь, 50–57.
- Науменко, В.Е. 2009б: Столовая керамика. В кн.: Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. *Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Боспорские исследования. Supplementum 5*. Симферополь–Керчь, 60–64.
- Науменко, В.Е. 2009в: Амфоры. В кн.: Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. *Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Боспорские исследования. Supplementum 5*. Симферополь–Керчь, 35–50.
- Нессель, В.А. 2006: Керамический комплекс. В кн.: А.Б. Бернацки, Е.Ю. Кленина (ред.), *Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.)*. Херсонесский сборник. Supplement I. Севастополь, 95–140.
- Нидзельницкая, Л.Ю. 2009: Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным рифлением V – начала IX вв. (из собраний Донских музеев). В сб.: В.П. Копылов (ред.), *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII между. науч. конф.* Ростов-на-Дону, 257–282.

Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан 225

- Нидзельницкая, Л.Ю., Ильяшенко, С.М. 2007: Раннесредневековое поселение на территории Танаиса. В сб.: Ю. К. Гугуев (ред.), *Средневековые древности Дона: Материалы и исследования по археологии Дона II*. Москва–Иерусалим, 193–215.
- Нидзельницкая, Л.Ю., Кулаков, А.А. 2013: Раннесредневековое поселение Мартыново I на Нижнем Дону. В сб.: В.В. Ключников, А.А. Кулаков (ред.), *Хазарские древности*. Аксай, 7–49.
- Пархоменко, О.В. 1985: Поселение салтовской культуры у с. Жовтневое. В сб. П.П. Толочко (ред.), *Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология)*. К., 84–94.
- Паршина, Е.А. 1991: Торжище в Партенитах. В сб.: П.П. Толочко (ред.), *Византийская Таврика*. К., 64–100.
- Паршина, Е.А. 2002: Древний Партенит (по материалам раскопок 1985–1988 гг.). В сб.: В.Л. Мыц (ред.), *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Симферополь, 89–109.
- Плетнева, С.А. 1959: Керамика Саркела – Белой Вежи. *МИА 75* (Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II), 212–272.
- Плетнева, С.А. 1989: *На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс*. М.
- Плетнева, С.А. 1994: Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. *МАИЭТ IV*, 271–396.
- Плетнева, С.А. 1996: *Саркел и «шелковый» путь*. Воронеж.
- Плетнева, С.А. 2003: Фанагория. В кн.: Т.И. Макарова, С.А. Плетнева (ред.), *Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века*. М., 179–183.
- Плетнева, С.А. 2004: Экологичные привычки жителей Хазарского каганата. *Природа* 9 (1069), 64–68.
- Плетнева, С.А., Красильников, К.И. 1990: Гончарные мастерские Маяцкого комплекса. В сб.: С.А. Плетнева (ред.), *Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции*. М., 92–139.
- Половицкий, И.Я., Гусев, П.Г. 1987: *Почвы Крыма и повышение их плодородия*. Симферополь.
- Пономарев, Л.Ю. 2004: Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген. *БИ V*, 445–475.
- Пономарев, Л.Ю. 2011: Салтово-маяцкий плитово-грунтовый могильник поселения Героевка-2 (как один из примеров взаимодействия культур и религий на окраинах византийского мира). *XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Сборник материалов международной конференции*. Керчь, 287–295.
- Пономарев, Л.Ю. 2012а: О разведках и раскопках Д. Л. Талиса на Керченском полуострове в 1960 г. *БИ XXVI*, 479–511.
- Пономарев, Л.Ю. 2012б: К эволюции и хронологии жилищ салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (юртообразные постройки и полуземлянки). *Дриновский сборник V*, 65–78.
- Пономарев, Л.Ю. 2012–2013: О раннесредневековых плитовых и плитово-грунтовых могильниках Керченского полуострова. *ХА 11*, 153–181.
- Пономарев, Л.Ю. 2014а: Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (краткий обзор по археологическим данным). *ХА 12*, 135–159.
- Пономарев, Л.Ю. 2014б: Салтово-маяцкое поселение Героевка-3 на Керченском полуострове (по материалам раскопок А. В. Гадо в 1963 г.). *История и археология Крыма I*, 376–399.

- Пономарев, Л.Ю., Пономарева, И.А. 2010: Редкие формы салтово-маяцкой нелощеной керамики из раннесредневековых поселений Керченского полуострова (предварительная информация). *Сугдейский сборник IV*, 453–464.
- Романчук, А.И. 1986: Граффити на средневековой керамике из Херсонеса. *СА* 4, 171–182.
- Рудаков, В.Е. 1979: Элементы салтово-маяцкой культуры на посаде Баклинского городища. *АДСВ* 16 (Социальное развитие Византии), 105–111.
- Рудаков, В.Е. 1980: Баклинский средневековый склеп с граффити. *АДСВ* 17 (Античные традиции и византийские реалии), 121–129.
- Русанова, И.П., Тимошук, Б.А. 2007: *Языческие святилища древних славян*. М.
- Рыбаков, Б.А. 1994: *Язычество древних славян*. М.
- Рыжов, С.Г., Седикова, Л.В. 1999: Комплексы X в. из раскопок квартала X «Б» Северного района Херсонеса. *ХСб* X, 312–329.
- Сазанов, А.В. 1998: Хронология слоев средневековой Керчи. *ПИФК* V, 50–88.
- Сергеева, М.С. 2010: Про деякі давньоруські приладдя з кістки та рогу для ігор і розваг (за матеріалами з Середнього Подніпров'я). *Древности, 2010: Харьковский историко-археологический ежегодник* 9, 198–215.
- Сорокин, С.С. 1959: Железные изделия Саркела – Белой Вежи. *МИА* 75 (Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II), 135–199.
- Тарабанов, В.А. 1993: Поселения болгар на правом берегу Кубани. В сб.: Б.А. Раев (ред.), *Древности Кубани и Черноморья. Studia Pontocaucaasica, I*. Краснодар, 115–122, 206–213.
- Тарабанов, В.А. 1997: Поселение салтово-маяцкой культуры на правом берегу Кубани близ станицы Васюринской. *Историко-археологический альманах* 3, 74–79.
- Федоров-Давыдов, Г.А. 1966: *Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. Археологические памятники*. М.
- Флеров, В.С. 1971: Поселение VIII–IX вв. у ст. Богоявленской. *СА* 2, 258–265.
- Флеров, В.С. 1981: Распространение лощеной керамики на территории салтово-маяцкой культуры. *Плиска-Преслав* 2, 170–181.
- Флеров, В.С. 1993: *Погребальные обряды на севере Хазарского каганата*. Волгоград.
- Флеров, В.С. 1995: Общинное хранилище (к проблеме социальных взаимоотношений в Хазарском каганате). *Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н. э. Тез. докл. науч. конф.* М., 88–91.
- Флерова, В.Е. 1996: Домашние промыслы в Саркеле – Белой Веже (по материалам коллекции костяных изделий). В сб.: Д.А. Сташенков (ред.), *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э.* Самара, 277–332.
- Флерова, В.Е. 1997: *Граффити Хазарии*. М.
- Хоружая, М.В. 2015: Детские погребения из катакомб Верхне-Салтовского археологического комплекса (попытка половозрастной и социальной интерпретации). *Древности, 2014–2015: Харьковский историко-археологический ежегодник* 13, 257–274.
- Чибиров, Л.А. 1983: Аграрные истоки культа животных у осетин. *СЭ* 1, 94–102.
- Чхаидзе, В.Н. 2008: *Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове*. М.
- Чхаидзе, В.Н. 2012: *Фанагория в VI–X веках*. М.

REFERENCES

- Аубабин, А.И. 1976: Steklyannye ryumki iz rannesrednevekovykh mogil'nikov Yugo-Zapadnogo Kryma. *SGE* XLI, 27–30.

- Aksenov, V.S. 2002: Obryad obezvrezhivaniya pogrebennykh v Verkhne-Saltovskom i Rubezhanskom katakombnykh mogil'nikakh saltovo-mayatskoy kul'tury. *RA* 3, 98–114.
- Aksenov, V.S. 2009: Zakhoroneniya s narusheniem anatomicheskogo poryadka kostyaka na mogil'nike saltovskoy kul'tury u s. Chervonnaya Gusarovka. *KhA* 8, 89–102.
- Aksenov, V.S. 2014: Novye materialy po voprosu osvoeniya naseleniem Khazarii basseyna Severskogo Dontsa. *KhA* 12, 4–33.
- Albegova, Z.Kh., Gusakov, M.G. 2001: Kul'tovoe naznachenie postroyki 21 Mayatskogo selishcha. *Praktika i teoriya arkheologicheskikh issledovaniy. Trudy otdela okhrannykh raskopok*. N.V. Malinovskaya (red.). M., 122–131.
- Artamonov, M.I. 1935: Srednevekovye poseleniya na Nizhnem Donu. Po materialam Severo-Kavkazskoy ekspeditsii. *IGAIMK* 131, 1–118.
- Artamonova, O.A. 1963: Mogil'nik Sarkela – Beloy Vezhi. *MIA* 109 (Trudy Volgo-Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii. T. III), 9–215.
- Baranov, I.A., Mayko, V.V. 1999: K voprosu o tipologii stolovoy loshchenoy posudy Yugo-Vostochnogo Kryma vtoroy poloviny X veka. *KhSb* X, 287–290.
- Belinskiy, I.V., Kulakov, A.A. 2013: Srednevekovyi sloy poseleniya Oktyabr'skoe I. *Khazarskie drevnosti*. V.V. Klyuchnikov, A.A. Kulakov (red.). Aksay, 140–162.
- Bessonova, S.S. 1992: Zhertvoprinosheniya podrostkov v skifskikh kurganakh. *Kimmeritsy i skify. Tez. dokl. Mezhd. nauch. konf., posvyashchennoy pamyati A. I. Terenozhkina*. Melitopol', 11–12.
- Bidzhiev, Kh.Kh. 1979: Srednevekovaya keramika Khumarinskogo gorodishcha (Po materialam raskopok 1977 g.). *Voprosy srednevekovoy istorii narodov Karachaevo-Cherkesii*. V.I. Markovin (red.). Cherkessk, 154–169.
- Veymarn, E.V., Aybabin, A.I. 1993: *Skalistinskiy mogil'nik*. K.
- Veselov, V.V. 2005: *Svodnaya vedomost' rezul'tatov arkheologicheskikh razvedok na Kerchenskom i Tamanskom poluostrovakh v 1949–1964 gg. Drevnosti Bospora. Supplementum II*. M.
- Vinnikov, A.Z., Afanas'ev, G.E. 1991: *Kul'tovye komplekсы Mayatskogo selishcha (Materialy raskopok Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoy ekspeditsii)*. Voronezh.
- Vinnikov, A.Z., Kovalevskiy, V.N. 2007: Mogil'nik saltovo-maiatskoy kul'tury u s. Tikhyy Don v Voronezhskoy oblasti. *KhA* 6, 51–64.
- Vinogradov, Yu.A. 2002: Saltovo-mayatskie komplekсы poseleniya Artyushchenko-I na Tamanskom poluostrove. *ZVORA Novaya seriya*. T.I (XXVI), 73–81.
- Vinokurov, N.I. 1997: Raboty v Leninskom rayone. *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1994 god*. V.A. Kutaysov (red.). Simferopol', 62–65.
- Vinokurov, N.I. 1998: *Arkheologicheskie pamyatniki urochishcha Artezian v Krymskom Priazov'e*. Moscow.
- Vinokurov, N.I. 1999: Raskopki gorodishcha Artezian v 1997–1998 gg. (Issledovanie severo-zapadnogo uchastka raskopa I). *DB* 2, 39–76.
- Vinokurov, N.I. 2004: Praktika chelovecheskikh zhertvoprinosheniy v antichnoe i srednevekovoe vremya (po materialam raskopok ritual'nykh zakhoroneniy v Krymskom Priazov'e). *OPUS: mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii* 3, 55–87.
- Vinokurov, N.I. 2011a: Pogrebal'nye komplekсы antichnogo i srednevekovogo vremeni: razryv traditsii ili preemstvennost' (na primere gorodishcha i nekropolya Artezian). *XII Bosporskije chteniya. Bospor Kimmeriiskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Vzaimovlianiya kul'tur. Sbornik materialov mezhdunarodnoy konferentsii*. Kerch', 55–67.
- Vinokurov, N.I. 2011b: Gidrotekhnicheskie sooruzheniya antichnogo gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e. *DB* 15, 45–72.
- Vinokurov, N.I. 2014: *Nekropol' antichnogo gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e (materialy raskopok 1999–2007 gg.)*. *Bosporskije issledovaniya. Supplementum* 12. Simferopol'–Kerch'.

- Vinokurov, N.I., Nikonov, A.A. 2004: Total'nye razrusheniya vtoroy poloviny III v. n. e. na Bospore kak khronologicheskiy reper. *Bosporskiy fenomen: problemy khronologii i datirovki pamyatnikov. Materialy mezhd. nauch. konf.* Ch. 1. Saint-Petersburg, 95–103.
- Vinokurov, N.I., Ponomarev, L.Yu. 2015a: Saltovo-mayatskie komplekсы gorodishcha Artezian (po materialam raskopok 1994–2010 gg.). *Tavrisheskie studii. Istoricheskie nauki* 7, 46–53.
- Vinokurov, N.I., Ponomarev, L.Yu. 2015b: Yuzhnyi uchastok saltovo-mayatskogo poseleniya na gorodishche Artezian (po materialam issledovaniy na raskope II). *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 3 (49), 160–195.
- Vysotskaya, T.N. 1995: Igrushki i igry pozdnykh skifov. *Problemy arkheologii drevnego i srednevekovogo Kryma*. Iu.M. Mogarichev, I.N. Khrapunov (red.). Simferopol', 47–51.
- Gadlo, A.V. 1968: Rannesrednevekovoe selishche na beregu Kerchenskogo proliva (po materialam raskopok 1963 g.). *KSIA* 113, 78–84.
- Golenko, V.K., Dzhanov, A.V. 2002: Rannesrednevekovoe poselenie na yuzhnom sklone gory Opuk. *Sugdeya, Surozh, Soldaiya v istorii i kul'ture Rusi-Ukrainy. Materialy nauch. konf. (16–22 sentyabrya)*. Kiev–Sudak, 76–78.
- Golenko, V.K. 2007: *Drevniy Kimmerik i ego okruga*. Simferopol'.
- Grach, N.L. 1999: *Nekropol' Nimfeya*. Saint-Petersburg.
- Zin'ko, V.N., Ponomarev, L.Yu. 2005a: Stepi Vostochnogo Kryma v epokhu Khazarskogo kaganata. *MAIET* XI, 406–429.
- Zin'ko, V.N., Ponomarev, L.Yu. 2005b: Rannesrednevekovyi gorizont poseleniya Geroevka-2 u pos. El'tigen. *BI* X, 236–268.
- Zin'ko, V.N., Ponomarev, L.Yu. 2008: Rannesrednevekovyi gorizont poseleniya Geroevka-6 na Kerchenskom poluostrove. *Drevnosti Yuga Rossii: pamyati A. G. Atavina*. G.E. Afanas'ev (red.). M., 420–440.
- Zin'ko, V.N., Ponomarev, L.Yu.: 2009: *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom. I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv. Bosporskie issledovaniya. Supplementum* 5. Simferopol'–Kerch'.
- Zin'ko, V.N., Ponomarev, L.Yu. 2013: Razvedki A. V. Gadlo na Kerchenskom poluostrove v 1962 g. (v svete sovremennykh arkheologicheskikh dannykh). *BI* XXVIII, 435–471.
- Ivanov, A.A. 2013: Issledovaniya yugo-vostochnogo uchastka Krymskogo gorodishcha v 2006–2008 gg. *Khazarskie drevnosti*. V.V. Klyuchnikov, A.A. Kulakov (red.). Aksay, 50–65.
- Ichenskaya, O.V. 1981: Ob odnom iz variantov pogrebal'nogo obryada saltovtsev po materialam Netaylovskogo mogil'nika. In: Artemenko N.I. (red.), *Drevnosti srednego Podneprov'ia*. K., 80–96.
- Kvitkovskiy, V.I. 2012: Zakhronenie v krugloy yame na selishche Pyatnitskoe-I. *Saltovomajac'ka arkheologichna kul'tura: problemy ta doslidzhennja* 2, 26–29.
- Kvitkovskiy, V.I., Koloda, V.V. 2010: Issledovaniya Slobozhanskoy rannesrednevekovoy ekspeditsii na mnogoslomnom selishche Pyatnitskoe I. In: Kozak D.N. (red.), *Arkheologichni doslidzhennja v Ukraini 2009 r.* Kiyi'v; Luc'k, 184–186.
- Kiyashko, Ya.A. 2012: Rannesrednevekovyi pamyatnik vblizi stanitsy Suvorovskoy na Nizhnem Donu. *Slavyane vostochnoy Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. Materialy mezhd. konf., posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya Ivana Ivanovicha Lyapushkina (1902–1968) 3–5 dekabrya 2012 g.* Saint-Petersburg. Saint-Petersburg, 148–151.
- Klyuchnikov, V.V. 2009: Osobennosti stroitel'no-khozyaistvennykh kompleksov gorodishcha Zoloty Gorki na Nizhnem Donu. In: Kopylov V.P. (red.), *Mezhdunarodnye otnosheniya v bassejne Chernogo morya v skifo-antichnoe i khazarskoe vremya. Sbornik statey po materialam XII mezhd. nauch. konf.* Rostov-na-Donu, 241–256.
- Kozlov, M.M. 2013: Zhertvoprinosheniya ditej u skhidnykh slov'jan domongol'skoi' jepokhi. *Naukovyy visnyk Mikolai 'vs'kogo nacional'nogo universitetu imeni V. O. Sukhomlins'kogo*. Ser.: Istorychni nauki. 3.35, 65–70.

- Koloda, V.V. 2001: Raboty na Mokhnachanskom gorodishche v 2000 g. *Arkheologichni vidkryttja v Ukrai'ni 1999–2000 rr.* D.N. Kozak, N.O. Gavriljuk (red.). K., 129–131.
- Koloda, V.V. 2011: K voprosu o pogrebeniyakh na poseleniyakh (na primere bogatogo zhenskogo zakhoroneniya na gorodishche Mokhnach). *Drevnosti, 2011: Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskij ezhegodnik* 10, 261–272.
- Koloda, V.V. 2012–2013: Zhilishche s parnym zakhoroneniem na gorodishche Mokhnach. *KhA* 11, 106–115.
- Kravchenko, E.E., Davydenko, V.V. 2001: Sidorovskoe gorodishche. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya* 2, 233–302.
- Krasil'nikov, K.I. 1979: Izdeliya iz kosti saltovskoy kul'tury. *SA* 2, 77–91.
- Krasil'nikov, K.I. 2009: Loshchenaya keramika iz stepnogo massiva saltovo-mayatskoy kul'tury (tipologiya, tekhnologiya, ornamentika, kleyma). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya* 7, 99–152.
- Krasil'nikov, K.I. 1999: Kukhonna keramika ta keramichni vyroby special'nogo pryznachennja saltovo-majats'koi' kul'tury Seredn'odonechchja. *Vita Antiqua* 2, 170–177.
- Krizhevskaya, L.Ia. 1990: Pogrebeniia zhivotnykh kak forma proyavleniya pervobytnykh verovaniy. *Konferentsiya «Rekonstruktsiya drevnikh verovaniy: istochniki, metod, tsel'»*. *Tez. dokl. L.*, 44–46.
- Kryganov, A.V. 1989: Vooruzhenie i voisko naseleniya saltovo-maiatskoy kul'tury (po materialam mogil'nikov s obryadom truposozhzheniya). *Problemy arkheologii Podneprov'ya*. I.F. Kovaleva (red.). Dnepropetrovsk, 98–114.
- Kublanov, M.M. 1976: Novye pamyatniki nekropolya Ilurata. *KSIA* 145, 102–108.
- Kublanov, M.M. 1983: Raskopki nekropolya Ilurata. Itogi i problemy. *Nauchno-ateisticheskie issledovaniya v muzeyakh*. S.A. Kuchinskiy (red.). L., 96–129.
- Kuznetsov, V.D., Golofast, L.A. 2010: Doma khazarskogo vremeni v Fanagorii. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 1 (27), 393–429.
- Lopan, O.V. 2001: Novye dannye o keramike Mayatskogo selishcha. *Praktika i teoriia arkheologicheskikh issledovaniy. Trudy otdela okhrannykh raskopok*. N.V. Malinovskaya (red.). M., 105–121.
- Lyapushkin, I.I. 1941: Slavyano-russkie poseleniya IX–XII st. na Donu i Tamani po arkheologicheskim pamyatnikam. *MIA* 6, 191–246.
- Lyapushkin, I.I. 1958: Pamyatniki saltovo-mayatskoy kul'tury v basseine r. Dona. *MIA* 62 (Trudy Volgo-Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii T. I), 85–150.
- Mayko, V.V. 2004: *Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen' v yugo-vostochnom Krymu*. K.
- Mayko, V.V. 2012: Graffiti na amforakh Yugo-Vostochnogo Kryma VIII – nachala XI vv. In: Gladkikh M.I. (red.). *1000 rokov vizantiys'koi' torgivli (V–XV stolittja)*. K., 69–82.
- Majko, V.V., S'omin, S.V. 2003: Alans'kyj seredn'ovichnyj posud Krymu VIII – persho i' polovyni X stolittja. *Ukrai'ns'kyj keramologichnyj zhurnal* 1(7), 49–54.
- Marti, Yu.Yu. 1941: Razvedochnye raboty vne gorodskikh sten Tiritaki. *MIA* 4 (Arkheologicheskie pamyatniki Bospora i Khersonesa), 25–36.
- Maslennikov, A.A., Berdnikova, L.A. 1977: Raskopki v rayone s. Zolotoe na Kerchenskom poluostrove. In: Rybakov B.A. (red.). *Arkheologicheskie otkrytiya 1976 goda*. M., 332–333.
- Smirnov A.P. (red.) 1969: *Material'naya kul'tura Sredne-Tsninskoy mordvy VIII–XI vv. (Po materialam raskopok P. P. Ivanova za 1927–1928 gody)*. Saransk.
- Medvedev, A.F. 1966: Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv. *SAI* E1–36.
- Mikheev, V.K. 1985: *Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata*. Khar'kov.
- Mogarichev, Yu.M. 2005: O nekotorykh voprosakh istorii Vostochnogo Kryma VIII–IX vv. *Sugdeiskiy sbornik* II, 237–247.

- Morzherin, K.Yu. 2000: Nakhodki keramiki VII–X vv. v srednem techenii reki Medveditsy. *Voprosy kraevedeniya* 6, 60–61.
- Naumenko, V.E. 2009a: Vysokogorlye kuvshiny s shirokimi ploskimi ruchkami. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv. Bosporskie issledovaniya. Supplementum* 5. Simferopol'; Kerch', 50–57.
- Naumenko, V.E. 2009b: Stolovaya keramika. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. In *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom. I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv. Bosporskie issledovaniya. Supplementum* 5. Simferopol'; Kerch', 60–64.
- Naumenko, V.E. 2009v: Amfory. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom. I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv. Bosporskie issledovaniya. Supplementum* 5. Simferopol'; Kerch', 35–50.
- Nessel', V.A. 2006: Keramicheskiy kompleks. In *Topografiya Khersonesa Tavricheskogo. Vodosbornaya tsisterna zhilogo doma v kvartale VII (IX–XI vv.)*. In: Bernatski A.B., Klenina E.Yu. (red.), *Khersonesskiy sbornik. Supplement I. Sevastopol'*, 95–140.
- Nidzel'nitskaya, L.Yu. 2009: Vizantiiskie amfory s gladkim korpusom i zonal'nym rifleniem V – nachala IX vv. (iz sobranii Donskikh muzeev). In: Kopylov V.P. (red.), *Mezhdunarodnye otnosheniya v basseine Chernogo morya v skifo-antichnoe i khazarskoe vremya. Sbornik statey po materialam XII mezhd. nauch. konf. Rostov-na-Donu*, 257–282.
- Nidzel'nitskaya, L.Yu., Il'yashenko, S.M. 2007: Rannesrednevekovoe poselenie na territorii Tanaisa. In: Guguev Yu. K. (red.), *Srednevekovye drevnosti Dona: Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona II*. Moscow–Ierusalim, 193–215.
- Nidzel'nitskaya, L.Yu., Kulakov, A.A. 2013: Rannesrednevekovoe poselenie Martynovo I na Nizhnem Donu. In: Klyuchnikov V.V., Kulakov A.A. (red.), *Khazarskie drevnosti*. Aksay, 7–49.
- Parkhomenko, O.V. 1985: Poselenie saltovskoy kul'tury u s. Zhovtnevoe. In: Tolochko P.P. (red.), *Zemli Yuzhnoy Rusi v IX–XIV vv. (Istoriya i arkheologiya)*. K., 84–94.
- Parshina, E.A. 1991: Torzhishche v Partenitakh. In: Tolochko P.P. (red.), *Vizantiiskaya Tavrika*. K., 64–100.
- Parshina, E.A. 2002: Drevniy Partenit (po materialam raskopok 1985–1988 gg.). In: Myts V.L. (red.), *Alushta i Alushtinskiy region s drevneyshikh vremen do nashikh dney*. Simferopol', 89–109.
- Pletneva, S.A. 1959: Keramika Sarkela – Beloy Vezhi. *MIA* 75 (Trudy Volgo-Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii. T. II), 212–272.
- Pletneva, S.A. 1989: *Na slavyano-khazarskom pogranich'e. Dmitrievskiy arkheologicheskiy kompleks*. M.
- Pletneva, S.A. 1994: Pravoberezhnoe Tsimlyanskoe gorodishche. Raskopki 1958–1959 gg. *MAIET* IV, 271–396.
- Pletneva, S.A. 1996: *Sarkel i «shelkovyi» put'*. Voronezh.
- Pletneva, S.A. 2003: Fanagoriya. In: Makarova T.I., Pletneva S.A. (red.), *Arkheologiya. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya IV–XIII veka*. M., 179–183.
- Pletneva, S.A. 2004: Ekologichnye privyчки zhitelei Khazarskogo kaganata. *Priroda* 9 (1069), 64–68.
- Pletneva, S.A., Krasil'nikov, K.I. 1990: Goncharnye masterskie Mayatskogo kompleksa. In: Pletneva S.A. (red.), *Mayatskiy arkheologicheskiy kompleks. Materialy Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoy ekspeditsii*. M., 92–139.
- Polovitskiy, I.Ya., Gusev, P.G. 1987: *Pochvy Kryma i povyshenie ikh plodorodiya*. Simferopol'.
- Ponomarev, L.Yu. 2004: Biritual'nyi saltovo-maiatskiy mogil'nik u poselka El'tigen. *BI* V, 445–475.

Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан 231

Ponomarev, L.Yu. 2011: Saltovo-maiatskiy plitovo-gruntovyi mogil'nik poseleniya Geroevka-2 (kak odin iz primerov vzaimodeistviya kul'tur i religiy na okrainakh vizantiyskogo mira. *XII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriiskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Vzaimovliyanie kul'tur. Sbornik materialov mezhdunarodnoy konferentsii.* Kerch', 287–295.

Ponomarev, L.Yu. 2012a: O razvedkakh i raskopkakh D. L. Talisa na Kerchenskom poluostrove v 1960 g. *BI XXVI*, 479–511.

Ponomarev, L.Yu. 2012b: K evolyutsii i khronologii zhilishch saltovo-mayatskikh poseleniy Kerchenskogo poluostrova (yurtoobraznye postroyki i poluzemlyanki). *Drinovskiy sbornik V*, 65–78.

Ponomarev, L.Yu. 2012–2013: O rannesrednevekovykh plitovykh i plitovo-gruntovykh mogil'nikakh Kerchenskogo poluostrova. *KhA* 11, 153–181.

Ponomarev, L.Yu. 2014a: Saltovo-mayatskie poseleniya Kerchenskogo poluostrova (kratkiy obzor po arkhologicheskim dannym). *KhA* 12, 135–159.

Ponomarev, L.Yu. 2014b: Saltovo-mayatskoe poselenie Geroevka-3 na Kerchenskom poluostrove (po materialam raskopok A. V. Gado v 1963 g.). *Istoriya i arkheologiya Kryma I*, 376–399.

Ponomarev, L.Yu., Ponomareva, I.A. 2010: Redkie formy saltovo-mayatskoy neloshchenoy keramiki iz rannesrednevekovykh poseleniy Kerchenskogo poluostrova (predvaritel'naya informatsiya). *Sugdeyskiy sbornik IV*, 453–464.

Romanchuk, A.I. 1986: Graffiti na srednevekovoy keramike iz Khersonesa. *SA* 4, 171–182.

Rudakov, V.E. 1979: Elementy saltovo-mayatskoy kul'tury na posade Baklinskogo gorodishcha. *Sotsial'noe razvitie Vizantii. ADSV* 16, 105–111.

Rudakov, V.E. 1980: Baklinskiy srednevekovyi sklep s graffiti. *Antichnye traditsii i vizantiiskie realii. ADSV* 17, 121–129.

Rusanova, I.P., Timoshchuk, B.A. 2007: *Yazycheskie svyatilishcha drevnikh slavyan.* Moscow.

Rybakov, B.A. 1994: *Yazychestvo drevnikh slavyan.* Moscow.

Ryzhov, S.G., Sedikova, L.V. 1999: Kompleksy X v. iz raskopok kvartala X «B» Severnogo rayona Khersonesa. *KhSb* X, 312–329.

Sazanov, A.V. 1998: Khronologiya sloev srednevekovoy Kerchi. *Problemy istorii, filologii, kul'tury V*, 50–88.

Sergjejeva, M.S. 2010: Pro dejaki davn'orus'ki pryladdja z kistki ta rogu dlja igor i rozvag (za materialamy z Seredn'ogo Podniprov'ja). *Drevnosti, 2010: Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskij ezhegodnik* 9, 198–215.

Sorokin, S.S. 1959: Zheleznye izdeliya Sarkela – Beloy Vezhi. *MIA* 75 (Trudy Volgo-Don-skoy arkheologicheskoy ekspeditsii. T. II), 135–199.

Tarabanov, V.A. 1993: Poseleniya bolgar na pravoberezh'e Kubani. In: Raev B.A. (red.), *Drevnosti Kubani i Chernomor'ya. Studia Pontocausica, I.* Krasnodar, 115–122, 206–213.

Tarabanov, V.A. 1997: Poselenie saltovo-mayatskoy kul'tury na pravoberezh'e Kubani bliz stanitsy Vasyurinskoy. *Istoriko-arkheologicheskij al'manakh* 3, 74–79.

Fedorov-Davydov, G.A. 1966: *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu Zolotoordynskikh khanov. Arkheologicheskie pamyatniki.* Moscow.

Flerov, V.S. 1971: Poselenie VIII–IX vv. u st. Bogoyavlenskoy. *SA* 2, 258–265.

Flerov, V.S. 1981: Rasprostranenie loshchenoy keramiki na territorii saltovo-mayatskoy kul'tury. *Pliska-Preslav* 2, 170–181.

Flerov, V.S. 1993: *Pogrebal'nye obryady na severe Khazar'skogo kaganata.* Volgograd.

Flerov, V.S. 1995: Obshchinnoe khranilishche (k probleme sotsial'nykh vzaimootnosheniy v Khazar'skom kaganate). *Kul'tury stepey Evrazii vtoroy poloviny I tys. n. e. Tez. dokl. nauch. konf.* M., 88–91.

Flerova, V.E. 1996: Domashnie promysly v Sarkele – Beloy Vezhe (po materialam kollekt-sii kostyanykh izdeliy). In: Stashenkov D.A. (red.), *Kul'tury Evraziiskikh stepey vtoroy poloviny I tisyacheletiya n. e.* Samara, 277–332.

Flerova, V.E. 1997: *Graffiti Khazarii*. Moscow.

Khoruzhaya, M.V. 2015: Detskie pogrebeniya iz katakomb Verkhne-Saltovskogo arkheologicheskogo kompleksa (popytka polovozrastnoy i sotsial'noy interpretatsii). *Drevnosti, 2014–2015: Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskiy ezhegodnik* 13, 257–274.

Chibirov, L.A. 1983: Agrarnye istoki kul'ta zhivotnykh u osetin. *SE* 1, 94–102.

Chkhaidze, V.N. 2008: *Tamarkha. Rannesrednevekovi gorod na Tamanskom poluostrove*. Moscow.

Chkhaidze, V.N. 2012: *Fanagoriya v VI–X vekakh*. Moscow.

CENTRAL PART OF SALTVOVO-MAYAKI SETTLEMENT ON
THE FORTIFIED SETTLEMENT OF ARTESIAN
(results of the 1989–2001 excavations at the Site I)

Nikolay I. Vinokurov*, Leonid Y. Ponomarev**

* *Moscow State Pedagogical Institute, Russia,*

vinokurovnl@list.ru

** *researcher, Russia,*

l_ponomarev@mail.ru

Abstract. The article deals with residential, economic, religious and funerary complexes, which were investigated in the Site I in the central part of Saltovo-Mayaki settlement on the fortified Settlement of Artesian. In the investigated area three (or four) huts, a corral, three buildings on stone foundations, hearths, household pits, one burial ritual burial of humans and animals were found, as well as numerous pits, which were formed during the extraction of stone of ancient buildings. They date back to within the second half of the 8th – the first half of the 10th century. A part of complexes have been divided into two construction periods. However, it wasn't possible to allocate a narrow chronological framework for them. The numerous religious sites, most of which may have been linked to the agricultural and pastoral fertility cults are of particular interest. In such quantity they were for the first time found on the Saltovo-Mayaki settlements of the Kerch Peninsula.

Key words: Kerch Peninsula, the Artesian Settlement, Saltovo-Mayaki settlement
